

Выход

Скверна

Дело в том, что... Зона не принимала человеческую скверну. Новичкам приходилось колченожить в памперсах, опытные использовали системы замкнутого цикла. Шутки на эту тему всегда выдавали вновь прибывших. Вот и сегодня в Баре: с виду, вроде не мальчик, щетина с проседью, коль по одежке встречать, так и «шелуха» на нём тёртая и явно не магазинная, а сам всё туда же... Подивившись отсутствию чувства юмора у местных, мужик попритих. Стало как-то вообще несколько тише обычного. Тогда голос из дальнего, плохо освещённого угла подал верзила в бесформенном плаще:

– Бармен, налей новичку.

Дождавшись, когда мужичок сделает первый глоток, верзила не спеша зашуршал к его столику, подсел без спроса и начал, вроде бы ни о чём конкретном. Излагал он медленно и с расстановкой, так, будто говорил с контуженым:

– ...многое тут услышишь. Ищут здесь, кто спасение, кто истину, иные считают, что Зона нам дана в наказание и нет в ней никакого иного смысла. А я думаю, везде жить можно, и всюду своё можно найти... и взять, – на последнем слове верзила понизил голос и придвинулся. – Ты, ни на беглого, ни на психа не похож. Верно, за чем-то хорошим сюда прибыл? Мечтатель..., – верзила прищурился и сплющил губы, будто пытается удержать и проглотить неуместную сейчас улыбку. После недолгого любования собеседником верзила степенно продолжил внушение:

– Так вот, хорошего здесь немного. Отходы одни. Высокотехнологичные и не очень. Отходы производства, отходы общества. Основные местные сословья, это «грибники», «рыбаки» и «дачники». Есть ещё конечно барыги, но это, как везде. Тебе в скорости надо будет определяться, так вот я тебе предложу самое верное.

– Неужто рыбное место знаешь!? – не сдержался мужик.

– Ты раньше времени не смейся. Ты тут недавно. Мало ли что тебе смешным показаться может. И смешное здесь бывает, и ещё смешнее, но такого дела как я тебе предложу, серьёзного дела, никто тебе тут не предложит.

– А что ж другим-то, уже предлагал?

– Опять смеёшься, не доверяешь – правильно. Я не о доверии прошу, а выслушать внимательно. Другим не предлагал, потому как другие знают других, те прочих..., а ты и со мною-то ещё не знаком. Дело-то, видишь ли, сколь срочное, столь конфиденциальное. Ты мне нужен, хотя ничего особенного в тебе нет. Может ты даже дурак, это ничего...

– Ха! Выходит, дело не сложное!? – снова перебил новичок.

– Это как посмотреть..., но ум совсем не пригодиться.

– Вот те раз..., а я так и знал, с детства, со школы! – мужичок чуть подался вперёд. – Ты если не шибко спешишь, лучше поясни, что за «грибники», «рыбаки», это как, в прямом смысле?

– Ну, чувствую, разговор будет, другого мне искать не придётся, – тихонько, будто сам себе промолвил верзила и, фиксируя мужичка цепким взглядом, продолжил чуть громче, – можем, значит, пятиминутный экскурс себе позволить, глядишь и на пользу дела. – Тут Верзила позволил себе небольшую, кривенькую улыбку, затем набрал побольше несвежего воздуха и почти нараспев выдохнул:

– «Грибники» в лесу ищут, «рыбаки» в болоте, барыги это барыги. Сложнее сказать про «дачников». Я бы сказал, это неудачники, если коротко. Лезут в Зону отчаянные депрессивные студенты, не сдавшие сессию, для коих просто суицид, видимо, был бы слишком прост. Среди них и беглые есть и просто дураки. Иже с ними долбанутые всякие псевдоучёные с альтернативным взглядом на всё, стало быть, и на Зону тоже. В общем, жалко среди них разве что горе-туристов, которые здесь не по своей воле – кто, заплутавши, а кто и по злему умыслу недоброжелателей. Оседают всё это в старом дачном кооперативе. Тут уж, каков раствор, таков осадок, – верзила терпеливо подождал, пока мужик рассмотрит на просвет содержимое своего пластикового стакана, и продолжил:

– Здесь, в Баре «дачников» не привечают. Здесь барыги всем заправляют, а им от «дачников» толку мало, бывают даже и проблемы..., вот как раз мы и забрели случаем на нашу тему – «дело серьёзное, да конфиденциальное». Есть такой «дачник», так его растак, и имя у него под стать – Пантелей. Лет ему чёрте сколько. Я, грешным делом, ждал, думал: «ну пора уже ему..., местные условия здоровья-то не прибавляют». Но... сил уж никаких нет – ждать. Боюсь с этим мудрствующим старцем больших проблем в скорости дожидаться. Однако грубо решать вопрос нельзя. Ничего, о чём тебя прямо не попросят, не делай. И не дай тебе Бог толковать это дело на свой лад. Тут тебе ничего придумывать ни в коем случае не надо, а надо точно и вовремя делать простые, невинные вещи. «Случайно» встретишь этого гада, разговорись – он разговорчивый! Потом он, собака, «проверить» тебя начнёт. Ты проверку пройдёшь. Такие как ты «в его вкусе», он новичков любит! Он тебе кое-что предложит – ты согласишься. Дальше не твоя забота. Выполнять данные ему обещания тебе не придётся. Только в Бар за деньгами зайдёшь. Ну как, нравится тебе дело?

– Не-а. Я за умного себя не держу. Потому делать что-то, о чём не имею никакого понятия, элементарно побаиваюсь.

– Так я забыл сказать, сколько ты получишь, – Верзила некоторое время производил в уме какие-то калькуляции, – ох, много получается, сказать страшно...

– Да и не говори. Не в этом дело.

– А! Карму забоялся попортить!?! Так я вмиг тебя утешу! Многие здесь полагают, и небезосновательно, что на его-то собачьей совести кое-что уже имеется...

– Стрёмно с ходу в такие дела лезть. Совсем ты меня тут «залечил». В таких сложных случаях всегда «мнение другого врача» требуется.

– Сомневаешься, значит, в моём «диагнозе»? – верзила театрально вздохнул. – Субъект этот твоих переживаний не стоит, дерьмовый это субъект. Я бы тебе и диафильм с аргументами показал и полный памперс улик предоставил, да только нет у нас для этого, ни времени, ни места.

– А я бы посмотрел! Даже понюхал бы, для уверенности.

– Ну, тогда главное тебе скажу – выбора у тебя нет. Пять минут назад – был. Но ты мне пиво в морду не плеснул, не убежал вприпрыжку, а сидел и слушал. Знаешь, небось, как праздное любопытство иной раз дорого обходится? Многовато я тебе успел сказать. Надо было вовремя меня останавливать. Для меня этот разговор, как смерть Кашеева, в дырявом сундуке, на поваленном дереве, и утку уже ощипывают оголодавшие «дачники»...

– Ага, значит у этих твоих «дачников» длинные руки, у тебя, скажешь, тоже не короткие, а я, дурак, сижу тут с самыми короткими руками, уши развесил, того и гляди меня за язык поймают!

– Да ты не отчаивайся. Бог даст, всё обойдётся. Ты, главное не усложняй. Дело-то, можно сказать, плёвое. А будут по ходу сомнения одолевать – думай о деньгах. Если шибко совестливый – раздашь потом нуждающимся. Ох, рады будут!

– В какое-то неудобное положение вы дяденька меня ставите. Неужто так вам это надо, так вам это приятно? Может, разойдёмся краями? Я ведь здесь никого не знаю, мне о ваших делах и разболтать не кому.

– Я сам в таком же неудобном положении, только хуже, сложнее, извращённое. Мне уже некогда другого вместо тебя искать. На меня тоже давят, тоже торопят. Говоришь, «поболтать тебе тут не с кем», бедолага, – верзила изобразил неискреннее сочувствие. – Что толку, если я тебе сейчас поверю? Те, другие, – верзила указал пальцем куду-то себе за спину, – рисковать не станут, и сгинешь ты «ни за что», так... «на всякий случай». Вообще, тебе повезло, что ты не на моём месте. Так что ты уж на своём шибко не ёрзай, а то, как у нас говорят «на говне поскользнёшься». Твоё дело маленькое и ничего тебе стоять не будет. Ещё и заработаешь. Это мне с вами, прихотливцами, одни убытки...

– Значит, говоришь, повезло мне?

– Повезло, повезло. Только ты к везению своему отнесись с благодарностью. Прими, что есть и большего не требуй, чем заслуживаешь. Я не про деньги. Я про всякую там «свободу выбора», «право на ошибку» – этого всего ты не заслуживаешь. А вот, сколько заслужишь – получишь всё до копейки.

Верзила резко встал и громыхнул ладонью по столу, крепко припечатав к нему клочок бумаги. Когда верзила растаял в дыму и сумраке Бара, мужик не спеша допил пиво, меланхолически покачивая головой. В голове его вертелось, что-то про «бесплатный сыр». А прочитав слова и цифры на листке, он невесело смекнул, что стакан пива – совсем щедушный аванс для таких больших барышей впоследствии. На бумаге значилось:

«Иди к Грибному лесу. На кромке стоит лагерь. Прописывайся в грибники. Через три дня сдашь грибы Бармену, сверх их стоимости получишь от него первую 1000\$ из 10,000\$ и узнаешь, что дальше.

p.s.: Перед выходом подойди к Бармену, затей разговор, прослушай его вводную для новичков. Очень полезно.»

Он удержался от порыва, немедленно скомкать и выкинуть мерзкую бумажку полную уродливых закорючек. Почерк был какой-то неприятный – буквы кренились супротив обычного влево и сильно меняли размерность, а сам «бланк договора» представлял собой оборванный, заношенный клочок. Видно, верзила уже довольно долго ходил с этой бумажкой. Может просто новичков давно не прибывало, а может дело это настолько тухлое. Он понимал, что влип, но игнорировать произошедшее – тоже не выход. И новичок решил, для начала следовать указаниям на клочке бумаги. Всё равно пока что он не знал, куда здесь податься. Не самое удачное начало, но... надо же с чего-то начинать эту свою «новую жизнь». Он помнил, что выхода из Зоны нет. Кто сюда попал (по своей уж воле или по обстоятельствам), тот должен был теперь как-то жить здесь. Он встал, подцепил свой маленький, но туго набитый рюкзак (откуда новичку знать, что тут пригодится, а что нет) и поплёлся к стойке.

Бармен выглядел непонятно, на вид, и прост, и не ясен – лысина и пузо, если б ещё очки, мог бы и за профессора сойти, но очков не было, были серые, мутные глаза наблюдателя, то ли искренне сочувствующего, то ли просто усталого. Глядя на неторопливую, вроде как безучастную возню за стойкой, новичок решил так: Бармен что-то своё знает, и что-то там себе думает, изо всех сил при том стараясь быть для местных «в доску своим, простым, приятным парнем». Новичок аккуратно присел за стойку:

– Вот, думал в «грибники» податься. Мне добрые люди посоветовали «посоветоваться».

– Всё правильно тебе рассказали, садись, да слушай. Тут уж надо сразу обо всём, чтобы в дороге, да в глуши не искать, кого спросить, и чтоб встреча наша следующая... состоялась. – Бармен поставил на стойку алюминиевую кружку. – Жить-то здесь можно, но..., знаешь, как везде – своя специфика, – Бармен налил себе мутноватого пива. – Про «грибы» значит, ну и про всё прочее разом..., – озаглавив «лекцию», Бармен степенно глотнул и начал с расстановкой, почти торжественно:

– «Грибки» местные после обработки особой вполне съедобны. Очень спросом пользуются на Большой земле у гурманов, да у болезных всяких – якобы, шибко пользительны они для здоровья баготеев тамошних. Здесь самое верное дело – по «грибы» ходить. Трюфеля фосфоресцирующие, мухоморчики с эффектом..., в общем – что закажут. И в болоте опять же не надо мокнуть, кровососов кормить. Комарьё-то тут непростое. Их насекомыми называть язык не поворачивается. Пищат, будто волки воют. Брезент прокусывают! Всю кровь у мужиков выпивают, один алкоголь остаётся. Если бы местные не пили, то и жить бы здесь не смогли!

– Ну, немножко-то вы, наверное, преувеличиваете? – осторожненько усомнился новичок.

– Про этих немножко преувеличиваю. До смерти не зацелуют. Пока случаев не было. Просто не люблю я их. Личное у меня к ним – аллергия. Словом, для меня-то лично они как раз смертельны... Так ведь там и другие болотные твари есть. Комарики только крови чуток хлебнут, но есть там такие жильцы, что и закусить не побрезгуют. Днём, к здоровому и бодрому не приближаются. А ночью, хворого или спящего могут взять. Тогда только кости остаются. С ними глаз, да глаз. Сложно с ними... Только ребята повадки и свойства их е...учие изучат, как в один прекрасный день – не они это уже, другие... совсем! А тех, прежних – как не бывало, будто они нам доселе мерещились. Только косточки можно показывать, байки рассказывать, да научные труды про этих «динозавров» множить! Есть тут один..., ходит, собирает, фотаает, в блокноте чего-то пишет. Ребята чудачку подсобляют чем могут, а я думаю, пропадёт этот «очкарик» на болотах.

Словом, эволюция в этих краях кипучая, бурная. И сколь она быстра, столь экстравагантна. Местных жаб ещё не видел? Как они пасть разевают и наизнанку выворачиваются, будто сами себя лопают?!

– Да уж, век живи...

– Не то слово, – перебил Бармен, – учиться здесь надо, на *чужих* ошибках и быстро, прямо на ходу, а стрелять – с лёту.

– Про стрельбу, это образно?

– Образно, образно... до стрельбы здесь редко доходит, нечем тут особо... Но, если сомневаться себе не ко времени позволишь, или не оглянешься вовремя, не ковырнёшь, новость какую-то местную мимо ушей пропустишь, байку у костра не дослушаешь – всё, экзамен на выживание не прошёл. Так что для начала тебе – только «грибочки», только «тихая охота». В болота не лезь, с «дачниками» не якшайся, – Бармен понизил голос и чуть приблизился, – пока я не укажу, с кем и когда.

Новичок всем своим видом выказывал «лектору», свою понятливость, благодарность и готовность к делу. Он кивал ритмично и вежливо, улыбался умеренно, в рамках приличия. Наконец Бармен закончил про местные «прелести» и вновь зажёл погасшую, было сигарку. Он перевёл дух долгой затяжкой и смочил горло тёплым, чуть подкисшим пивом.

От всего услышанного голова у новичка шла кругом. Он силился собраться с мыслями. Ему казалось, что сейчас непременно следует произнести какое-то важное уточнение. Новичок учтиво выдержал паузу и, пытаясь выглядеть посерьёзней, театрально нахмурился и выдохнул:

– Ну, теперь давай про плохое...

Бармен поощрил «плохую игру начинающего артиста» благожелательной усмешкой и с готовностью продолжил вводную:

– Да, желательно и ещё кое-что перед первой ходкой знать. Фауна фауной, а про флору здешнюю забывать было бы весьма легкомысленно. Тем более, что ты нынче в лес пойдёшь, а не на болота. Цветочки-то местные тоже с колючками. Везде тут всякого хватает, особенно, где не ждёшь. Есть, например «тополиный пух».

– Это как?

– Пух, он и есть пух. Летает такой, – Бармен поводит рукой в воздухе. – Если увидишь такое – не вздумай закурить.

– Ага, вообще брошу, – не сдержался новичок, уже несколько подуставший сегодня от *новостей*.

– Ты не смейся, дело серьёзное. Если мало тебе, так ещё «ёжик», например, есть. Хуже не придумаешь для того, кто срать в непроверенном месте рискнул. А бывает, насравший-то ничего, целым ушёл, а Зона обиду затаила и мстит после, другим. Лежит такой «кусоч говна», не усыхает, а наоборот, только пышнее и гаже становится. Ох, если наступишь..., это не смертельно конечно, но и не так смешно... Мож тебе здешние страхи поначалу простецкими и даже нелепыми покажутся, но я тебе скажу: как сам, хоть бы и в «ямку» элементарную попадётся, или на «слизне» поскользнёшься, так чувство юмора у тебя притупится, о местные-то тверди. Когда второй раз, да тем же местом, поверх прежнего синяка..., а если третий... Тело человеческое, оно хрупкое, нежное, прихотливое. Чтобы его беречь, у человека орган есть специальный, ну, да у кого он плохо работает, так и ушей хватит. Всего конечно рассказать не успею..., тут, знаешь, и в лужу наступить очень нежелательно. Есть тут такие «лужицы», маленькие, но вода в них с таким свойством..., краешком ботинка коснёшься – мокрый будешь с головы до пят! Первый-то раз мож даже и посмеёшься, а потом остороженько ходить станешь, чтобы в «муравейник» не влезть, да «одуванчик», не задеть. От цветочка безобидного, небось, никакого подвоха не ожидал? Ох, не знаешь ты, что когда очень щекотно, так это уже, и не до смеху, и для жизни опасно, если не ко времени в дороге случится.

Некоторое время Бармен молчал. Новичок уходить не торопился, не хотел выказывать неуважения. Бармен критически заглянул в свою кружку, допил пиво, поморщился:

– Такая в этих местах атмосфера – пиво быстро скисает. А так, знаешь, жить можно. Вертолёты нам сбрасывают всё, что мы не можем здесь найти или своими руками сделать. А мы им цепляем на трос всякую невидаль: «грибочки», «рыбку» и некое «сложно идентифицируемое». Всё это видишь ли кому-то там... полезно для чего-то там...

Бармен ещё раз внимательно рассмотрел новичка:

– Ну иди. Пора тебе. К темноте, как раз будешь у леса.

Новичок всмотрелся в склейку, распечатанную с интернета на Большой земле. Грибной лес «рисовался» всего-то километрах в пятнадцати восточнее

Бара. Новичок глянул на часы: «17:12... 7 октября». Выходя из Бара, он настраивался на позитив: «Темнеет нынче рано, а «грибы» эти светящиеся как раз по темну собирать следует, стало быть, к лесу выйду в самый раз». Смушал его только не весть откуда взявшийся туман впереди. Дурацкий, на хрен не нужный ему туман выползал именно с того направления, куда ему было надо. Ну, да на карте, вроде никаких ям, да обрывов не указано...

Новичок уже давно сомневался в направлении. Он бессмысленно таранил глаза во все стороны. Везде было одинаково бело. Только под ногами можно было различить мокрую траву, да какие-то нелепые, жухлые цветочки. Становилось прохладно. Вдруг он услышал..., кажется, голоса.

Новичок шёл на голоса. Другого ориентира в сплошном кисейном вареве просто не было. Видимо, заприметив, что кто-то поблизости шуршит, голоса умолкли. Различив в шорохе человека, один из голосов негромко позвал:

– Хватит уже кругами ходить. Нету в этой сырости брода. Давай уже к нам. В такую погоду надо ноги у костра греть, да байки слушать.

Сначала в тумане показались смутные силуэты, затем светлое пятно костра.

Новичок присел к костру, подивившись с непривычки на тусклое, с зеленцой пламя, совсем не такое, как на большой земле. Плотный туман скрывал всё окружающее, будто мир сжался до узкого круга сидящих у костра людей. Мужик, одетый в линялый брезент (кажется тот, что позвал новичка к костру) хлебнул из фляги и продолжил прерванный разговор:

– ...так вот, *жрут* они этих жаб деликатесных!

– Не! Быть не может! – запричитал длинный и тощий, в капюшоне.

– Чё ж не может-то?!

– Ну, говорят, «зелья» из них какие-то варят... лекарства экспериментальные. Ещё говорят, в ритуалах каких-то магических...

– Ты веришь!?

– Не. В магию я и сам не верю. Я думаю, ихняя капиталистическая наука крема какие-нибудь из лягушек этих давит, да инъекции стряпает.

– Да ну!? В это, значит, веришь? Это тебе менее противно? А по мне, так уж лучше пускай жрут, чем шприцами, да спринцовками жаб этих давленных куда-то там... себе внедрять, или размазывать по харям, да задам стареющих красоток!

Тут в разговор вступил третий, крупный, с залысинами:

– Да ладно мужики. Пусть их, и жрут, и давят. Лишь бы их поменьше уже стало. А то давеча так меня эта тварь чуть не укусила, что я чуть не обосрался.

– И то верно, – согласился «брезентовый». – Давай лучше с новичком знакомиться.

Новичок достал флягу со спиртом:

– Угощайтесь... Ловко вы меня определили! Неужто так заметно?

– Новичка всегда видно. Всех признаков и не перечесть.

–«Брезентовый» глотнул из фляги новичка, сжал губы, помотал головой, погримасничал и, наконец, снова открыл рот: – Я вот сейчас расскажу про одного новичка, не в обиду, а чтоб на чужих ошибках учился! – «Брезентовый» глотнул ещё, перевёл дух и начал:

– Значит, собрался как-то дурень один в лес по «грибы». И так вышло, что у него, ни корзины, ни памперса не было, даже пакетиков полиэтиленовых не раздобыл, только респиратор. Звали этого блажного Толиком. Говорят, он респиратор даже в помещениях не снимал, никак привыкнуть не мог к нашей атмосфере! Так вот, взял он тогда два обычных металлических ведра, одно для «грибов», другое вместо памперса, и пошёл. – Рассказчик ещё глотнул из фляги и сделал театральную паузу. «Тощий в капюшоне» не выдержал первым:

– Ну и как, набрал!?

– Ох набрал, – застонал «брезентовый», – аж в два ведра!

– Полные!?

– Не, не полные. Два – на доньшке.

– Это как?

– А так... Темнело уже. «Грибы» в темноте светятся, в самый раз – собирать, но как сорвёшь – уже не светятся...

– Понятно! – замахал руками «тощий».

– Так тебе ещё не всё понятно! Он потом, ближе к ночи в Бар припёрся! Ввалился, как был, в своём респираторе и сонному Бармену на стол своё ведёрко опорожнил... а там всё вперемешку! Бармен, аж со стула упал!

Новичок посмеялся, покачал головой, вежливо подождал, пока просмеются другие.

– Да уж, история поучительная. Я, к примеру, только пакетами запасся, ни памперсов, ни корзины не брал, даже ведра нет, а в пакете-то, верно «грибы» помнутся..., – новичок мельком глянул на полные корзины «грибников», стоящие кучкой в сторонке.

Просвещать новичка взялся «Брезентовый», видимо, как самый ответственный, инициативный и бывалый из собравшихся:

– На счёт «помнутся», это ничего – ты ломаных веток в пакет зачихни для жёсткости. А вот, испражняться в пакет рискованно. Мало ли... герметичность нарушена, или промажешь впотьмах... ты в следующий раз на этом лучше не экономь.

– Ещё одно спасибо. А про респиратор... тут я Толика могу понять. – Новичок потянул носом, поморщился. – Ох, слышал я про местную атмосферу, знал, куда шёл, думал «быстро привыкну»... пока не привык.

– Это к хорошему быстро привыкаешь, – тощий поправил тампоны в носу. – Я, думаю, никогда уже не привыкну.

– И что, никто не пробовал, не знаю, выдумать что-то, канализацию какую-нибудь соорудить, или...

«Брезентовый» скептически махнул рукой:

– Да думают здесь в основном только о себе! Есть толковые ребята, с головой, но пока, кроме ремонта и доработки систем замкнутого цикла, никто здесь ни на что не посягает. А так, конечно... хорошо бы... Кто ж здесь не мечтал о канализации, или о каком-то чудо-реагенте! Только завезти сюда

что-либо для экспериментов на эту тему шибко сложно. А на Большой земле голову ломать над нашими бедами никто не станет. Там наши «грибочки», да «рыбки» нужны, а проблем им своих хватает. То, что мы в местном дерьме так безвылазно застряли, для них вовсе не проблема, а наоборот, решение многих их тамошних проблем! Во-первых, без нас, беспутных всяких и неблагонадёжных засранцев им там свободней дышится, во-вторых, «грибочки», да «рыбки» им, чистоплюям крайне интересны. Какие-то экземпляры – в чисто научном смысле, иные – в совсем практическом и даже кулинарном. То, что мы в этом дерьме, как у нас говорится «тонем и горим», они там, небось, как-нибудь переживут. Так что, ближайшая перспектива такая: говна будет всё больше, не засранных, безопасных мест для просёра – всё меньше. – «Брезентовый» хлебнул ещё и, кажется, впал в лёгкую меланхолию. – Да... сидят ребята, преют по всяким щелям: в шалашах, в палатках, в дачных развалах. Всё чаще терпят теперь до последнего и лезут на дерево, перекрестясь. Некоторым везёт... Однако сосны местные шибко хорошо горят, а деревья поблагороднее давно уже всеми «засижены». Одни – обугленные кочерыжки, еле держатся; под другими – такие кучи навалены, что если на очередной «добавке» полыхнёт, так весь лес погореть может. Мы пожаров здесь очень боимся. Тушить-то особо нечем. Живём тут, как на пороховой бочке, она же и бочка с говном! Страшно, да ещё и воняет. До ужаса вонючий такой вот, понимаешь, страх.

Новичок понимающе кивнул и сделал ещё один небольшой, но выразительный глоток:

– Я в Баре цены на памперсы и на всякое прочее мельком глянул... как же вы тут, когда непогода, хворь, плохой «улов»?

– А так... Собираются бедолаги человек по пять, идут подальше от стоянки, место ищут. Иной раз не все потом возвращаются. А смерть нехорошая, дерьмовая. – «Брезентовый» приложился к фляге, судорожно глотнул и продолжил:

– Один невезучий..., а с другой стороны – жив-то остался... В общем, всю ночь парень терпел, спозаранку всё же припёрло, на самом уже рассвете. Выскочил из шалаша, побежал, не разбирая дороги, чтобы хоть ребята спящие не погорели. И значит... крик, шум невероятный, но не такой, чтобы взрыв там, или огонь гудел, а иначе как-то. Ребята с перепугу вывалились кубарем из шалаша, смотрят – идёт, медленно, весь в дерьме, но улыбается – живой

ведь. Вот ведь как получилось... Потом потихоньку прошли туда, к *тому месту*, глянули – оказалось в «лужицу» он сиранул, ну и, сам понимаешь, Зона ему всё вернула!

Брезентовый умолк, и сидел теперь, вглядываясь в тусклое пламя костра, будто бы вспоминая что-то уже совсем давнее. Новичок осторожно глотнул спирта, самую малость – ему хотелось лучше запомнить услышанное сегодня. «Впитав» спирт, новичок поинтересовался:

– А что ещё есть страшного и плохого в этих местах?

Ветра совсем не было, в затхлом, стоячем воздухе туман держался крепко, так что спешить было некуда, и Брезентовый с удовольствием продолжил:

– Плохого – много. Я тебе расскажу только о самом гадком... Есть у нас тут общество с этакой безграничной ответственностью за всё сущее и очень ограниченным пониманием: что есть что, что к чему и откуда ноги растут... из которой, стало быть, жопы. Они всякий вопрос своим считают, до всего им дело есть. А понимать они ничего не хотят. Им думать, вообще нет надобности. Они верят... верят, что человек может не срать, не жрать, и таким образом, то ли очистится, то ли вознесётся. Ассенизаторы чёртовы! Но, правда, и польза кое-какая от них есть. Эти фанатики, собой рискуя, могут, иной раз кучу-другую местным взрывоопасным грунтом закидать. А могут и тебя самого говном закидать. Тогда, если полыхнёт, то страшнее смерти не придумаешь! А на счёт пользы идёт опять же то, что не жрут они ни хрена, и не срут, стало быть. А недохнут, потому что пьют. В основном – алкоголь. Некоторые, правда, соком или чаем разбавляют. Оно ведь чтобы молодым, здоровым балбесам окончательно, до смерти спиться, не так мало времени надо, вот и живут помаленьку, не просыхая.

– Где ж они алкоголем так разживаются!?

– На Свалке всегда навалом свежей «просрочки». Там, при желании что угодно можно найти... Ох и деятельные эти падлы – в алкоголе калорий-то много! Ох, чудят они периодически! Один «умелец» соорудил нечто несурзное, что-то вроде «вантузострела». Шатается гад теперь по округе и вантузом, как гарпуном противогазы с «грибников» срывает – мол «нюхайте падлы, раз очищением заниматься не желаете!». Сами-то «пречистые» без всяких там респираторов по Зоне ходят. Я думаю, у них от пьянства обоняние

уже не фурычит, да и всё остальное... Такие вот «говноборцы» у нас братец водятся. Больше всего они «дачников» ненавидят. В принципе, есть за что – «дачники» и в самом деле срут где попало. В общем, эти тоже не все головой думают. Бывает, прямо на тропе насрут. И от того, вчера ещё хорошие тропы, сегодня вдруг становятся, либо опасны, либо вовсе непроходимы. Вот такой у нас, понимаешь, контингент. И приходится нам как-то среди этого всего жить и трудиться.

Новичок достал из нагрудного кармана ксероксную склейку:

– С контингентом понятно. Непросто у вас с этим вопросом, но, хоть какая-то ясность есть. Теперь бы в пространстве сориентироваться. Я вот карту смотрю и недопонимаю кой-чего...

– Так ты устаревшую, небось, смотришь? Тут надо каждый месяц обновлять! Если коротко, то так: Явь – это где мы сейчас, это Бар, Грибной лес и Бункер; всё что южнее Бункера – это Увь, там Болота; на восток от Яви – Глушь, там, среди непролазных топей торчит Незванный лес, там, по слухам, «монолит» видели; на севере, за Грибным лесом – Чушь, там Дачи и Свалка. На Свалке «пречистых» вероятнее всего встретить, там они свой храм выстроили из отходов. Мы туда без особой надобности не ходим, и если уж припрёт, то не по одному. Нам тут своего дерьма хватает. Я тебе про Свалку на всякий случай поподробнее расскажу.

Свалка – место самое дерьмовое среди прочих. Особенно хреново, что растёт она, падла, с каждым днём. Есть, видишь ли, на Большой земле дельцы такие нехорошие – мусор самый токсичный, который там у них негде пристроить, к нам с вертолётов бросают. Хорошо, хоть в одно место. Бывает, правда, и промахиваются. А ведь и ночью летают, чтобы меньше про эти их дела знали. Ночью ходить по Свалке особенно опасно – не знаешь, какое дерьмо на голову упадёт. И горит Свалка теперь всё чаще. А жаловаться нам не кому, ни кому мы здесь не нужны... живые. Хотя, вроде и смерти нам пока никто не желает. В общем, этакое равнодушие, обидное такое, хуже ненависти, будто нас тут вообще нет. А ведь здесь и приличные люди иной раз встречаются, даже среди «дачников» – за таких-то мне и обидно, не за себя.

Брезентовый подождал, пока новичок сделает пометки на склейке, и глянул в карту через его плечо:

– Давай-ка добавлю кое-какие детали... – Добавляя детали, он неторопливо продолжал: – А в Незванный лес мы вообще не ходим. «Грибы-то» там есть и даже особой породы редкой. Только взять их непросто. Там легче самому потеряться, чем найти что-нибудь. По тем местам, кроме Проводников никто толком не ходил. А теперь в чащах один Пантелей и бродит, травку на старых тропках вытаптывает, чтоб не заросли окончательно, да помаленьку «грибки» эти редкие из «лужиц» выуживает... Ну, вот и всё, – Брезентовый торжественно вручил новичку исправленную карту, – теперь ты «грибник»!

Новичок проснулся раньше своих новых знакомых. Ему вдруг стало забавно, что за долгим вчерашним разговором он так и не узнал их имён и не представился сам. «Наверное у них тут это не принято» подумалось новичку. Несмотря на ранний час уже не было и следа от вчерашнего непроглядного тумана. Новичок выкарабкался из спального мешка и сел к остывшему кострищу, чтобы насладиться утренней тишиной, порадоваться ясной погоде и, наконец, осмотреться.

Небольшая прогалина была окружена путаными космами какого-то диковинного кустарника, щедро украшенного сухими оранжевыми цветками. А лес, оказывается, ожидал «грибников» уже совсем рядом, до него было всего полсотни шагов. Стволы стояли почти голые, на сухих ветвях виднелось совсем немного жухлой листвы. Чащоба дыбилась над полями, как высоченный импровизированный плетень, пронизанный множеством манящих брешей и лазов.

Новичок глотнул воды, взял в зубы сухарь и начал потихоньку сворачивать спальник.

Ветра в лесу совсем не было, начало попахивать и новичок надвинул респиратор. Неподвижные, безжизненные деревья упрямо торчали в холодной утренней тиши. Сухие ветви под ногами возмущённо хрустели: «кому приспичило бродить здесь в такую рань?». Вскоре погода начала понемногу

портиться. Новичок помнил, что в Зоне с погодой шутить нельзя. Климат местный был резковат и крайне переменчив. Новичок поднял глаза на не весть откуда взявшееся варево туч и решил, что пора начинать беспокоиться. С тревогой всматриваясь в темнеющее небо, он чуть не столкнулся лбом с возникшим вдруг прямо перед ним субтильным очкариком в маскхалате. Едва новичок сфокусировался на очкарике, как тот забормотал:

– ...извините, меня, видите ли, интересуют исключительно инсектоиды...

– Что?

– Не встречались ли вам в той стороне...

– И такое здесь собирают!? Что-то я пока тут об этом бизнесе не слыхивал. Дело-то выгодное?

– Нет, бизнеса такого нет, это мой личный, сугубо научный интерес.

– Во как! И большие деньги вы готовы за это дело платить?

– Нет, денег нет. Я, видите ли, сам энтузиаст, и наивно надеялся...

– Вы наивны...

– Да..., конечно. Но всё-таки... вы совершенно уверены, что вы нисколько не энтузиаст? Кажется, в вашем скепсисе мелькнула какая-то толика сомнений...

– Да не сомневайтесь вы! А со своими сомнениями я сам как-нибудь... К тому же дождь собирается. Вы ж, товарищ энтузиаст, знаете какие здесь дожди. Тут, где дождь, там и град, а где град, там такое может сделаться – и ураган, и горизонтальные разряды...

– О, ну тогда нам с вами пока что всё-таки по пути... Идёмте же, я здесь неподалёку на досуге вырыл землянку, небольшую, ну да как-нибудь поместимся.

Новичок нахмурился, смерил очкарика взглядом, ещё раз глянул на темнеющее небо и со вздохом кивнул. Ковыляя за очкариком, он сетовал про себя: «ещё ни одного «грибка», а колорит местный так и прёт».

Спустя несколько шагов очкарик застыл с поднятым указательным пальцем:

– Слышите? Вовремя мы! Комары загудели... – Очкарик прибавил ходу.
– Увлёкся я право... Одет-то я совсем не для такой погоды.

– Промокнуть боитесь?

– Да нет! Что вы... Комары же! Слышите!?! Они всегда перед дождём лютуют.

– Летают... лютуют, – бормотал новичок на ходу. Теперь он тоже слышал протяжный, нудный гул, несколько ниже обычного комариного тембра, неумолимо нарастающий откуда-то из глубины леса. Новичок и очкарик ускорились до предела.

Жутковатый гудёж над правым ухом новичка вдруг сконцентрировался в гнуса размером с крупную стрекозу. Новичок надвинул капюшон по самый респиратор. Соприкасаясь с плотной тканью, крылья существа противно шуршали и шелестели. Новичок махнул рукой – гад сманеврировал и устремился вперёд, прямо к спине очкарика. Новичок успел промычать: – Сзади! – Очкарик взвизгнул, передёрнул плечами и побежал ещё быстрее. Несмотря на это комару удалось удержаться на его спине. Новичок поддёрнул свой рюкзак и, резко прибавив, догнал очкарика. Новичок ударил чуть сильнее, чем следовало, вдавив насекомое в спину очкарика так, что его маскхалат густо окрасился багровым. Очкарик поперхнулся и всплеснул руками, отмахиваясь разом, и от комаров, и от помощи новичка. Сделав несколько длинных, разнонаправленных прыжков очкарик вдруг куда-то провалился. Новичок метнулся следом, едва успевая различить на ходу тёмную глубину узкого лаза.

Внутри кое-как развернулись, заложили вход рюкзаками и пучками соломы.

Новичок зажёг фонарь и глянул на очкарика. Тот всё никак не мог отдышаться. Ещё через полминуты новичок понял – что-то не так. Очкарик дышал тяжело, сбивчиво и с хрипом. Новичок вопросительно посмотрел на него. Очкарик что-то сишло промямлил. С большим трудом, по жестам и хрипу новичок понял, что произошло – по нелепой случайности, когда новичок прихлопнул комара на спине очкарика, другой комар влетел очкарику прямо в рот и, видимо, успел ткнуться куда-то хоботком прежде, чем был проглочен. Новичку стало крайне досадно и тревожно:

– Ну вот, хотел как лучше... И чего вас, аллергиков в Зону так тянет!?
Что мне с тобой теперь делать?

Очкарик меланхолично пожал плечами, махнул рукой и просипел едва слышно:

– Может, обойдётся...

«Не обойдётся» подумал новичок, глядя на задыхающегося, и достал из кармана склейку:

– Бункер... совсем рядом, там наверняка кое-чего найдётся от анафилаксии.

Очкарик мотал головой, хрипя:

– ...опасно... не нужно...

Новичок наглухо застегнул ворот. Ещё раз глянул на очкарика, прислушался – дышит – дышит хреново. Новичок был настроен твёрдо и мыслил категорично: «делать, или нет – это решить я ещё способен, а нужно это было, не нужно – шибко сложно... да и некогда тут... пусть потом другие разбираются... если сейчас об этом думать будешь – ни хрена не поймёшь, а шанс упустишь».

Новичок бежал без респиратора. Поднявшийся предгрозового ветер немного разогнал вонь и комарьё. Направление новичок взял точно, и вскоре меж сухих стволов замелькала металлическая полусфера Бункера. Уже перед самым входом над новичком раздался оглушительный треск. На несколько секунд новичок ослеп и беспомощно шарил в поисках двери по холодной поверхности. А когда прозрел, то увидел, как на жестяной купол сыпятся дохлые комары, а следом и крупные капли дождя с градом. Вдруг раздался металлический лязг, и новичок провалился внутрь. Там его встретило несколько заботливых рук и женский голос:

– Вас не контузило?

Новичок с ходу объяснил ситуацию. Его пробовали увещевать:

– Ампулы есть, но грозу надо бы переждать...

– Хреново он там дышит... смешной парень... успеть хочется. А гроза... два раза-то в одно место не бьёт...

Новичок успел. Пыхтя после пробежки, он сделал дрожащими руками укол и сел рядом с едва сипящим очкариком.

Спустя какое-то время очкарик несколько оживился:

– А знаете что, идёмте теперь со мной в Бункер. Там нас накормят и горло мне чем-нибудь обработают, а для «грибного» дела сейчас всё равно погоды нет.

Новичок вздохнул, вспомнил испуганное и симпатичное лицо женщины из Бункера и кивнул.

Новичок устало нацепил рюкзак, застегнул ворот, максимально затянул завязки капюшона, подождал пока очкарик, решивший теперь быть осторожным, втиснется в серый, прорезиненный костюм, и они не спеша полезли наружу.

В Бункере им были рады. Оказалось, что очкарика они давно и хорошо знают. Сначала обработали его горло, затем собрали на стол. Все поздравляли очкарика со «вторым днём рождения» и сетовали, что с аллергией шутки плохи. Кроме новичка с очкариком за маленьким металлическим столиком кое-как уместились: доцент Венедикт Карлович Темерязев, ассистент Света Васильева и видимо кто-то из «грибников» – некто, Пётр, с забинтованной ногой.

После череды тостов и шуток по поводу случившегося, хозяйева заговорили о своём. Венедикт Карлович вдруг совсем посерьёзнул:

– Всё хорошо, что хорошо кончается... а наше с вами дело... ну это, «дерьмовое дело» – не при гостях будет сказано, оно-то ещё никак не решено.

Петя с досадой стукнул костылём в пол:

– Подвёл я вас!

Света тронула его за плечо:

– Да ладно, Петь, найдём мы человека.

Доцент сделал глоток из жестяной кружки и нахмурился:

– Нашли мне тут одного... уж и не знаю, решено ли теперь наше дело? Кого попало брать не хочется, но и время уже поджимает...

– Что за человек-то? – встрепенулся Пётр.

– Да в том-то и дело... субъект своеобразный, некий Толик. Я наслышан о нём... к театральщине склонен, позу может принять, да и подвести может. Этак, знаешь, мягко, незатейливо, ну, будто запомнил, перепутал, не так понял, или что-то там ему помешало, обстоятельства какие-то, высшие силы не дали благородной душе слово своё держать. Да я, пока время есть, расскажу кой-чего, так что всё поймёте про нашего Толика.

Пошли они как-то в Глухие болота, на дальний кордон. Шли долго. Погода подвела, и петлять пришлось. Прочие-то жрать старались поменьше, а этот наш «балагур» – мол, «у меня всё усвоится». И вот, припёрло ему. А нельзя было. Негде. Шли, шли... И вот, Толик не смог, не сдержался. Схватив себя за зад, он старался идти как можно плавнее, но на третьем шаге из левой штанины всё же... Субстанция, едва соприкоснувшись с поверхностью, мгновенно воспламенилась. От серьёзных увечий Толика спасло только то, что штаны были заказные, из несгораемого материала. Практически это была лишь грубоватая мгновенная эпиляция в купе с лёгким перебором в солярии. Но стонал Толик пышно: пробовал разные тональности, со всеми прощался и невнятно клялся в чём-то возвышенном и неизъяснимом...

Так теперь Толик всегда использует этот случай, чтобы угоститься в Баре пивком. Подруливает к новичкам и начинает..., будто он только что из того рейда. Наугощавшись, Толик непременно показывает обугленную изнанку геройских штанов, категорически игнорируя протесты собутыльников, а придя «в полную кондицию», яростно грозит показать несуществующие шрамы.

А так, ничего, дело с ним иметь можно..., только подвести может, – предупредил Венедикт Карлович, кисловато улыбаясь. – Но, по крайней мере, человек он не злобливый, если подведёт, то не со зла!

– Да уж... Ну, за неимением прочего..., – развёл руками Пётр.

То ли новичку настолько понравилась эта околонаучная компания, то ли элементарное любопытство заставило его открыть рот:

– А что за дело-то такое важное, да неотложное?

Все вдруг посмотрели на него так, будто им в голову пришла одна и та же мысль. Венедикт Карлович переглянулся с очкариком, затем с Петей и вдруг выпалил:

– А это вариант! Хоть и новичок..., но парень не робкий, себя уже показал.

Новичок рассмеялся:

– Да я уже почти согласен! Скажите только – что за дело-то!?

Он решил так: «сроков в той бумажке мне Верзила не прописал, значит, вреда не будет, если отвлекусь пока от «грибного» дела, да за одно осмотрюсь тут, может и про Пантелея этого побольше узнаю».

Пётр вёл новичка узкими ходами, его костыль страшно громыхал по металлическому полу:

– Ты смотри там... раз уж взялся... Дело-то ответственное! Вот ведь, как получилось... Муромец, богатырь наш, пока бочки грузил, спину сорвал, а я – сам видишь. Всё, как всегда – не вовремя!

Завернув за угол, Пётр указал на металлическую дверь в конце коридора:

– Ладно, давай иди знакомься, а я следом приковыляю.

Новичок пошёл.

Внутри было тесновато. Муромец сосредоточенно громоздился над столом, занимая собой почти всю комнатушку. Из-за исполинской спины виднелся край карты и ещё какие-то бумаги. Новичку стало неловко, и он тихонько откашлялся.

– И тебе «апчихи», – поприветствовал его Муромец, не оборачиваясь.

– Я, вроде как, вместо Петра...

Муромец обернулся и коротко глянул на вошедшего:

– Что-то морда незнакомая... новичок?

Новичок протянул руку:

– Вася.

Муромец усмехнулся и аккуратно взялся за ладонь:

– Вообще, Вася, у нас тут не принято руки жать. Места-то здешние со свойствами... атмосфера к рукопожатиям не располагает. Ну, к делу. Выходить надо уже сегодня. Дело ваше будет, и важное, и неотложное. Идти надо быстро, но аккуратно, чтоб не расплескать. Хорошо бы вам успеть подойти к Свалке ещё затемно, и чтобы ночь выдалась безлунная. Если «ассенизаторы» вас застанут, телегу придётся бросить, а это плохо. Возвращаться за ней потом... «Пречистые» обязательно поломают всё что смогут, бочки перевернут и говном телегу зальют. Тогда, лишь бы не полыхнуло! В общем, главная ваша задача – целыми вернуться, ну и лучше бы конечно с телегой... сколько я за эти годы уже новых телег намастерил... Оптимальный путь я на карте отметил, а там уж... по ситуации.

В дверь кряхтя протиснулся Пётр. Он осторожно опустился на кушетку, устало уронив на пол громоздкие самодельные костыли.

Вася шагнул к столу. Карта на столе очень подробно отображала саму Свалку и все безопасные подходы. Причём для каждого подхода была указана степень безопасности. Муромец подождал, пока Василий изучит все подробности, и сообщил:

– Ещё трое с тобой пойдут. Толковые ребята. Карта у них своя, такая же. Кстати можешь уже идти их встречать, они как раз к двум должны подойти.

Петя нашарил костыли и сунул руку в карман:

– Ну что Вася, покурим на дорожку?

– Ха, а я думал «вот, в Зоне-то курить и брошу». Тут это дело, вроде как, не с руки, а поди ж ты – нет, нет, да и да!?

– Идём-идём наружу, пока Карлович не видит.

Они потихоньку вышли из Бункера, и присели на порог. Давно не куривший Вася жадно затянулся. Петя вместе с первым дымком выдохнул:

– Ну как тебе у нас тут?

– В Бункере?

– Да нет. Вообще... в Зоне.

– Вообще, вроде жить можно. Толком-то я пока тут не разобрался – непривычного и непонятного тоже конечно хватает.

– Что ж тебя здесь особенно удивило?

– Да не то, чтобы удивило... а вот, к примеру, некий Пантелей... что вообще за человек? А то слышал я тут всякое...

– А... уже... Это так просто не скажешь. Это прямо не иначе как целая религия местного значения. Ты сам-то что услышать успел?

– Как сказать... да почти что ничего, а хорошего-то и вовсе...

– На этот счёт разные мнения есть. Про Пантелея каждый по-своему скажет. Про холм в Незваном лесу, небось, уже слышал? Про «монолит», про исполнение желаний... якобы одно, заветное... Ты тут вездесущих баек о «проводниках» ещё наслушаешься! Я тебе лучше про себя расскажу. Я ведь тоже к холму ходил. Сам, без «проводника». Может и зря – без «проводника»... вот, чуть ноги не «сносил», а ботинки, так и вовсе выкинуть пришлось. – Пётр вытянул из самокрутки последнее и аккуратно затушил о порог. – Помню, шёл я быстро, на легке. Пока шёл – изо всех сил торопился – боялся к приливу не поспеть... И всё равно не поспел. Так что потом пришлось долго ждать... В общем, к тому самому моменту я уже не соображал ничего от голода и обезвоживания – выкарабкался из лодки, вполз на холм, отвинтил крышку бачка, надулся воды. Про то с чем шёл туда, про желание своё заветное, напрочь забыл! Прилёг, чтобы с мыслями собраться, вроде как на минутку... очухался, гляжу – отлив уже начинается. Я только и успел флягу свою до краёв наполнить... Догрёб кое-как до берега, на холм оборачиваюсь, смотрю, и кажется, будто смеётся надо мной всё это... В общем, плюнул я и побрёл назад. Так и не знаю до сих пор, что думать – есть там какое чудо или так, шутовство одно недоброе...

– Может и без чуда как-нибудь проживём?

– Мне без чуда тяжело... совсем невмоготу.

– Понимаю... верить хочется, мечтать...

– Ни хрена ты не понимаешь, – Пётр посмурнел. – Невеста у меня была, там, в той жизни, на Большой земле. Всё свадьбу откладывали, всё какие-то дела, всё не до формальностей. И вот, уже живот... Решили так: родит, и сразу в ЗАГС. – Петя помолчал чуток и продолжил. – Я, как на зло, в командировке был. Ночью звонок: «...извините, ничего не могли сделать...». Ни её, значит, ни ребёнка... А я..., ты ж не знаешь, сирота я, детдомовский, – Петя невесело усмехнулся. – И вот значит, ещё я осиротел с этой, другой уже стороны... Ох, наделал я лишних делов тогда, с горяча... «Ну», думаю, «не для счастья я значит родился». Уж по крайней мере «не для семейного». И сюда значит, сам. Женщин здесь не водится, практически. Приличных, по крайней мере, почитай что нету. Разве только Светка-фельдшер... Думаю, «никого здесь, стало быть, кармой своей херовой не загублю». Я ж давно здесь. Смирился уже. И всё бы ничего, только узнал я недавно – жива она! Понимаешь!?! И ребёнок жив! ...девочка... Ошибка там вышла, в бумагах, в цифрах каких-то! И вот я – здесь. А они – там. Зачем я теперь здесь? Уж я думал, «может плата такая за то, что они живы». Если «плата», то ничего. Дороговато конечно, но потерплю. Обидно только, если я зря сюда попал, по дури и от нетерпения! Всю эту на хрен не нужную жизнь в Зоне отдал бы за год на Большой земле, да хоть бы и за месяц! – Петя с силой метнул гайку в чашу. Громко булькнуло. – Вот потому я над байками о «проводниках» не смеюсь. Как-то даже наоборот, слеза иной раз наворачивается, даже если брехня всё...

Вася нахмурился, повертел в руках зажигалку:

– Ну теперь, наверное, правильно понимаю...

Пётр вдруг вскинул бровь и кивнул в сторону леса:

– А вот и они.

– Кто?

– Ну как – компаньоны твои! Я думаю – сработаетесь.

– Да, дело вроде нехитрое, разве что опасное по-своему...

– То-то и оно! Ну ладно, знакомься, а я пойду, прилягу – нога что-то разболелась.

К Бункеру со стороны леса бодрым шагом приближались трое. Один – щеголеватый блондин с чубом. Второй – сутулый, короткостриженный, с тревожным и цепким взглядом. Третий – высокий и тощий, шёл, упираясь хмурым взглядом себе под ноги.

Василий встал и представился:

– Вася.

Они подняли головы, стали рядом и тоже представились, строго по порядку, слева направо, будто репетировали:

– Лаэрт.

– Озноб.

– Поджарый.

Васе стало даже как-то неловко, что он просто «Вася».

Они бегло оглядели друг друга и прошли внутрь. Внутри вновь прибывшим предложили немного перекусить. Лаэрт замотал головой:

– Уже перекусили. За сегодня много пройти надо – обжираться нельзя.

Венедикт Карлович развёл руками:

– Ну, тогда к выходу всё готово. С новичком уже познакомились... чистой вам дороги!

– Спасибо. Вот только водички попьём и опорожнимся перед выходом.

Вскоре Вася и три его компаньона уже стояли с тыльной стороны Бункера. Телега была смазана, рулёжка исправна. Вася посчитал пластиковые бочки, получилось четыреста литров говна, плюс вес телеги – ещё центнер. Бочки были плотно закрыты, но запах всё равно проникал. Все четверо как по команде напялили респираторы. У руля встали Лаэрт и Поджарый, а Вася с Ознобом «впряглись» сзади. Перед тем как тронулись, Вася успел мечтательно пробубнить:

– Лошадку бы сюда...

Телега пошла легко и мягко, без скрипа и грохота. Бочки были плотно увязаны друг с другом и с самой телегой. «Бурлаки» обогнули Бункер и покатали по прямой, через луга. Теперь Вася молча прикидывал, что больше облегчило бы им путь: лошадь; добротная дорога, хотя бы и грунтовая; иное содержимое бочек; или иное, более благозвучное и приветливое местоназначение груза.

Васины компаньоны были молчаливы и выглядели напряжёнными. Вася шёл, тянул и толкал перебирая в голове всё, что успел услышать о Свалке и тамошних обитателях.

К вечеру на фоне закатного неба уже можно было различить далёкие холмы Свалки. Пока шли без остановки. Только пару раз менялись местами. Когда совсем стемнело, Лаэрт скомандовал привал. Все четверо легли на траву и задрали ноги на телегу. Минут через двадцать Лаэрт глянул на часы:

– Вроде пока успеваем, но расслабляться рано.

Они поднялись, быстро определились, где кому взяться, и вновь покатали свой нехороший груз.

Теперь телега шла тяжелее – этому способствовали: высокая трава, периодические заросли кустарника, ухабы и непроглядная темень. К полуночи все четверо, не сговариваясь, остановились в жухлой лесопосадке. Попили воды, пожевали сухарей, развернули под телегой пластиковые коврики и легли спать. Встать предстояло через полтора часа, чтобы успеть пройти через открытые пространства затемно.

Проснулся Вася от громких возгласов:

– Говно! Говно! – никак не унимался Озноб.

Лаэрт, то всматривался в свои часы, то тряс рукой, то подносил к уху:

– Никогда раньше не подводили. Может почвы здесь намагниченные?

Поджарый стоял к ним спиной, торопливо отливая:

– Ладно вам стенать. Нас-то пока «не примагнитило», значит идти надо. Может, обойдётся.

Вася сообразил, что сейчас явно никак не два и не три часа, а где-нибудь часа четыре – с восточной стороны уже начинало светлеть.

Глотнув воды и набив сухарями рты, они взялись за телегу. Из-за росы на траве идти было ещё тяжелее вчерашнего. Васины компаньоны периодически поглядывали на восток. Мужики катили наперегонки с рассветом.

Тёмные холмы впереди вдруг начали «тлеть» по верхнему краю. С каждым шагом идущим открывались всё новые подробности склонов. Их пёстрое «изобилие» местами сверкало на солнце, местами чернело ржавчиной. Озноб очередной раз посмотрел на восток, затем мельком глянул на запад:

– Говно!

Там, вдалеке, едва различимо вырисовывались тёмные силуэты. Прибавлять четвёрке было уже некуда. И так жали изо всех сил. Силуэты двигались им наперерез. Вскоре стало ясно, что им никак не успеть. Мужики встали, тяжко облокотясь на телегу. Лаэрт чертыхнулся и выдохнул:

– Ни драться сил нет, ни бежать. Надо разговор с ними затеять. Пока эти демагоги выговорятся, пока все ругательства переберут, мы хоть отдышаться успеем. – Лаэрт повернулся к тёмным силуэтам вдалеке и гаркнул что есть силы:

– Здравствуйте!

– Да чтоб ты сдох, собака! – донеслось оттуда. – Мало вам Большой земли? Надо вам и эти заповедные пастбища, не для людей созданные испортить!? – Сектанты немного сбавили шаг, но не остановились. – В этих святых местах обычной вашей, скотской жизнью жить нельзя! Здесь только иначе можно!

– Это, как вы – недолго, несчастливо, зато не просыхая!? – Лаэрт взял переговоры в свои руки.

– И слова мои истинные сразу обгадить стремишься по привычке своей человеческой. Ну, да ничего, к нам не липнет...

– Ага! ...вам не воняет! Вы у нас уже не люди, высшие существа! Говноборцы! Воины света! Ассенизаторы планеты! Вашими методами с говном воевать – дело отчаянное, неблагодарное и бесполезное. Если бы сочинили, как нам в этих условиях какую-никакую канализацию соорудить, я был бы целиком на вашей стороне!

– Всё мечтаете о комфортном чревоугодии, да ублажении плоти!
Канализация, фаянс, биде... Душу надо благоустраивать, а не пространства!

Сектанты приблизились уже на опасную дистанцию, когда аргументы у Лаэрта вдруг кончились:

– Ладно... что спорить... просто отвалите!

– Ага! Вот она, ваша истинная сущность из-под словоблудия полезла! А ну ка ребята, вернём скверну её первоисточнику!

И «ребята» дружно принялись обкидывать «чужаков» говном.

Озноб и Поджарый метнулись за телегу, Лаэрт, стоявший чуть впереди, нырнул под неё. Вася и так был в самой безопасной позиции – он стоял за телегой и осторожно поглядывал на неистовствующих сектантов из-за бочек. Пока-что говно едва долетало до телеги, и его консистенция была относительно безопасна. Метнуть самые опасные жидкие фракции, от которых могло полыхнуть, можно было только половниками с близкого расстояния. Сектанты понемногу приближались. Бочки подрагивали от глухих ударов. Лаэрт выполз из-под телеги с безопасной стороны и сухо констатировал:

– Говно.

Поджарый вдруг засмеялся:

– Есть шанс погибнуть героями! Может нам потом даже памятник слепят... из говна.

– Ага, – вторил Озноб, – с надписью «подвиг говноборщика».

Лаэрт даже не улыбнулся:

– Телегу бросаем. Бежим вдоль Свалки. Если там тоже засада, свернём в те посадки. За ними Дачи начинаются, там, если что, легко затеряться. Да эти скорее всего и не полезут туда за нами – побоятся.

– А мы, значит, не побоимся? – поинтересовался Озноб.

– У нас выбора нет. Ты же знаешь, они не отстанут, будут идти за нами, попутно созывая своих. От этих полуживых мы бы по прямой ушли, но нам

наперерез скоро полезут их патрули со свежими силами. – Шлепки звучали всё чаще и плотнее. – Всё! Рванули! – скомандовал Лаэрт. И они рванули.

Пробежав метров сто, они увидели, как впереди, со склонов Свалки спускается патруль. За спинами некоторых виднелись большие алюминиевые фляги, в руках иных были жестяные вёдра. Четверо бегущих свернули к посадкам. Путь к посадкам пытался перерезать ещё один патруль. У сектантов была фора, но четвёрка бежала налегке, только у Васи был за спиной его рюкзак. Рюкзак был не тяжёлый, и всё же Вася начал отставать. Заметив это, Поджарый сдёрнул с Васи рюкзак и навесил на себя. До посадок оставалось совсем немного.

В дачный кооператив ребята входили уже неторопливым, мерным шагом, хотя дышали ещё тяжело. Поджарый вернул Васе рюкзак, Вася поблагодарил и полюбопытствовал:

– Дальше-то как?

– Теперь до больших дождей можем про телегу не вспоминать, – вздохнул Поджарый и насупился, – теперь другая напасть – «дачники».

– А что от них можно ожидать?

– А это – как повезёт. Может, спокойно, по-тихому пройдем, без лишних знакомств. Может, чудака какого-нибудь встретим, чуши наслушаемся. А может, и беготня случится на подобии давешней. До драки, надеюсь, не дойдёт. Мы налегке шли, и драться нам нечем – это плохо. Зато взять с нас нечего – это хорошо.

Вася чуть явственней ощутил спиной свой рюкзак. Поджарый мельком глянул на Васю и посоветовал:

– Ты куртку поверх рюкзака одень – за горбуна сойдёшь. Может, тогда нас даже за своих примут – тут убогих много.

– Да здесь и со своими что угодно сотворить могут, – мрачно пробормотал Озноб.

Разговор прервал крик, то ли женский, то ли детский, истошный, этаким, не шутейный. Ребята остановились. Кричали совсем рядом, за глухим забором из серых от времени досок. Вася слышал какую-то возню, всхлипы, ругань и глухие звуки ударов. Вася машинально пошёл к забору, оторвал пару досок и с доской же в руке продрался через дыру на заросший участок. Второпях Василий споткнулся и вывалился прямо под ноги двум небритым, грязным уродам. Пока они с удивлением взирали на него, как на ежа-мутанта, Вася успел вскочить, заметить скрючившуюся у ветхого крыльца девчонку лет семнадцати, босые мужские ноги торчащие из кустов чуть в стороне и там ещё двух уродов, держащих в руках по ботинку. Теперь все четыре урода уставились на Васю. Их взгляды неприятно скользили по Васиным рукам, ногам и рюкзаку. Вася ловко перехватил доску за торец и резко ткнул ближайшего в лицо. Увернуться тот не успел. Его протяжный вой возвестил, если не о «выходе из игры», то о «временном удалении». В руках стоящих поодаль блеснули ножи. Второй из ближайших уродов подобрал с земли ржавый штырь. Вася стряхнул рюкзак на левую руку и держал его теперь как щит, в правой руке он зажал маленький складной ножик. Урод со штырём пнул взрытый недавней вознёй чернозём – комья земли полетели прямо в лицо Василию. Пока Вася отплёвывался, двое с ножами двинулись на него, а тот, что со штырём зашёл сбоку и замахнулся первым. Василий нырнул под его руку и прыгнул на встречу двоим, выставив в их сторону рюкзак. Один из них вцепился в рюкзак свободной рукой. Вася резко бросил рюкзак. Обнявшийся с рюкзаком столкнулся со вторым. Пользуясь сумятицей, Вася попытался полоснуть второго по руке. Отступая, тот налетел на крыльцо и рухнул ногами кверху. Вася обернулся вовремя – урод со штырём уже замахнулся для второй атаки. В этот момент из кустов позади урода вылетел Лаэрт, столкнув урода на Васю. Вася машинально выставил руку с ножом вперёд. Урод, выпучив глаза и выронив штырь, навалился на Василия всем весом. Они упали и покатались. Наконец Вася выбрался из-под этого урода, и теперь судорожно шарил глазами в поисках других, но видел только Лаэрта, Поджарого и Озноба с доской в руке, растерянно стоящих посреди прогалины, а ещё слышал треск кустов где-то за домом и хриплый стон раненого урода. Раненый с трудом поднялся и отправился вслед за остальными спотыкающимся шагом и сильно клонясь вперёд. Вася хотел было сделать шаг, чтобы поднять рюкзак, как вдруг почувствовал, что его крепко схватили за ногу. Он резко обернулся – оказалось, это очухался тот босой, лежавший в кустах. Какое-то время они с босым взирали друг на друга. Вася

улыбнулся. Босой понял, что Вася не урод и тоже кривенько улыбнулся окровавленным ртом.

Лаэрт, тем временем, всюду занимался девчонкой у крыльца. Она оказалась совершенно невредима, но конечно сильно напугана. Лаэрт тихонько вещал ей что-то на ухо, легонько держа её за мизинец. Босой торопливо напяливал свои ботинки, рассыпаясь в благодарностях. Поджарый с усмешкой ткнул в Васю пальцем:

– Его благодари. Это он попёр, как танк. Пришлось и нам за ним лезть!

Девчонка у крыльца вскоре успокоилась, встала на ноги, подбежала к босому и принялась наводить порядок на его лице с помощью влажных салфеток. Лаэрт шагнул следом за барышней, и сообщил представительным тоном:

– Мы тут немного побеседовали... в общем, знакомьтесь – Настя и Женя, студенты-первокурсники Биолого-почвенного факультета. Хотели только вдоль забора пройтись, в бинокль поглазеть, да военных увидели – испугались и через забор... Не знали они ещё, чего надо бояться. Ну, обматерили бы их вояки, и домой бы свезли! А теперь вот в наших местах придётся им обживаться. – Лаэрт обвёл взглядом всех присутствующих. – Ну что, надо думать, где затаиться на время, да поспать. А вечером будем отсюда выбираться.

Озноб залез на большую старую яблоню, чтобы немного осмотреться:

– Вокруг, вроде тихо. Пустых хибар полно.

Женя убрал с лица салфетку и подал голос:

– Я могу показать, где мы вчера ночевали. Там всё ветхое и заросло совсем, зато не загажено.

Лаэрт легонько хлопнул его по плечу:

– Пожаробезопасность, прежде всего! Веди, не будем времени терять. *Эти* могут конечно и не вернуться..., а могут вернуться..., могут ближе к ночи, а ещё могут вернуться вскоре и с подмогой.

Вася напялил рюкзак. Озноб бросил доску и подобрал с земли железный штырь.

Женя повёл их через заросший участок к распахнутой калитке. Они оказались на узенькой, столь же заросшей улочке. Пройдя по ней мимо четырёх участков, они остановились у пятого. Это был неприметный, маленький, деревянный домишко, немного покосившийся на бок.

– То, что надо, – постановил Лаэрт.

Они тихонько прошли на участок. Женя подождал пока все войдут в дом, и аккуратно подпёр дверь черенком от лопаты. Озноб сделал несколько шагов в полумраке, потыкал штырём в пыльные стены, поднялся на три ступени по скрипучей лесенке и заглянул на второй этаж:

– Несколько аскетично.

– Только лишнего и нет, – парировал Лаэрт.

Под окнами стояли две пружинные кровати без матрацев. Наверху было ещё два спальных места. Под лестницей обнаружилась раскладушка и куча всякого тряпья. В общем, с некоторой натяжкой спальных мест хватало.

Поджарый сел на пружинную кровать, покачался, завалился на спину и с зевком мечтательно протянул:

– Вот ещё помыться бы после всего этого!

Озноб забрался с ногами на вторую и глянул в мутное окно. Там мало, что можно было разобрать. Этот факт, похоже, вполне его устраивал. Он растянулся на кровати, положил руку под голову и закрыл глаза. Женя и Настя поднялись наверх. Лаэрт со вздохом взялся за ржавую, дырявую раскладушку. Вася, засмотревшийся на полки с пыльной утварью и украшенный паутиной торшер, очухался, когда все уже улеглись. Поджарый открыл один глаз и неохотно спросил:

– Подвинуться?

– Не, спасибо. Я тут...

И Василий принялся мастерить себе под лестницей некое логово из кучи тряпья.

Васе снился проливной дождь, шум военных вертолётов и множество незнакомых людей, крайне увлечённых какой-то бессмысленной суетой. Все они хотели от Васи чего-то несуразного и невыполнимого. Чтобы от них

отделаться, Вася был вынужден врать, и от этого ему было очень стыдно. В какой-то момент Васе пришлось сказать толпе вопрошающих: «я знаю, где выход». Отчего-то эта последняя неправда так его взволновала, что он проснулся.

За окнами успело стемнеть и обитатели халупы уже всюду шуршали в поисках своей обуви. Маленький диодный фонарик в руке Озноба помогал им в этом слабо. Выбираясь из своего логова, Вася скорее слышал, чем видел, как Лаэрт настойчиво стучит черенком от лопаты в потолок:

– Молодёжь, подъём!

Лужи уже немного подсохли, но посматривать под ноги всё же приходилось. Лаэрт шёл во главе отряда, используя черенок в качестве посоха. Белеющий впотьмах черенок служил маяком для идущих следом. За Лаэртом шли Поджарый, Озноб и Вася. А замыкали строй студенты.

Вопреки ожиданиям, обычного для иных мест, вечернего умиротворения в Кооперативе не наблюдалось. С приходом темноты Дачи наполнились стуками, скрежетом, какими-то диковатыми песнями и совсем уже неясными по природе своей звуками. На общем фоне периодически мелькали, то отдалённые невнятные окрики, то настороженный шёпот где-то совсем рядом.

Чтобы добраться до вчерашних посадок, им предстояло пройти примерно полтора кооператива. Дальше планировалось идти по посадкам, чтобы не мозолить глаза, ни «дачникам», ни сектантам. Шли быстро и, на всякий случай, молча. Прошло всего каких-то минут пятнадцать такой ходьбы, и тёмный силуэт гребня посадок уже поднялся над домами. Вася даже осмелился высказать осторожное предположение:

– Похоже, до посадок дойдём без приключений.

И тут же откуда-то из придорожных кустов послышалось хриплое пение:

...Ты всем о себе расскажи

Как нос прищемился меж щёчками

Как глазики лбом заросли
Как лицо своё в уши укутавши
Стояла, ждала опохмел
И вынесли чарку дырявую
Пальцетыком заткнута брешь
Пей-пей ты её окаянную
А выпивши чаркой заешь...

Все замерли, прислушиваясь к странным словам и гадая – разбудил ли обитателя придорожных кустов Васин голос, или «менестрель» давно поджидал их здесь, чтобы осчастливить своим пением.

Пение оборвалось так же неожиданно, как и началось. Кусты зашевелились, и на дорогу начало выползать что-то ужасное. Крупные конечности выпластались на дорогу, преграждая путь. Вслед за конечностями последовала какая-то нелепая, огромная, жутко смердящая голова. Вася напряжённо всматривался, пытаясь определить, где у этого чудовища глаза. Только когда чудовище захрипело, стало ясно – голова всё ещё в кустах, а то что они приняли за голову, не что иное как большая, страшная задница в каких-то жутких лохмотьях. На них медленно пятилось существо глубоко древнее и явно нетрезвое. Лаэрт с трудом удержался от того, чтобы огреть «чудище» черенком, плюнул, выругался и двинулся дальше. Нервно хихикающие Озноб и Поджарый обошли «чудовище» сбоку. Васе пришлось уже перешагивать раскорячившегося на всю дорогу «монстра». Студенты, хохоча и повизгивая, взялись за руки и перепрыгнули препятствие с разбегу.

Наконец отряд вошёл под сень высоких деревьев. К всеобщей радости внутри обнаружилась уютная, сухая и твёрдая тропинка. Лаэрт заверил, что она доведёт их почти до самого Бара. А сейчас именно туда им было и надо. Без телеги спешить к Бункеру незачем. От Бара к Бункеру протянута проводная связь, можно позвонить и получить расчёт за работу через Бармена. За вычетом стоимости телеги, это будет немного. Но через пару, тройку дней, после хорошего дождичка можно и за телегой сходить – прийти ночью, поправить, если что не так и тихонько назад покатить. С этим они уже могли справиться и без Васи.

Дальнейший их путь проходил спокойно. Вася даже немного заскучал. Некоторое разнообразие вносили совы, изредка шуршащие крыльями над головой и далёкие огненные всполохи со стороны Свалки. Василий поначалу принял их за зарницы, но Поджарый его просветил:

– Это Зона скверну отрыгивает. Уж такие почвы здесь непримиримо брезгливые. А может «ассенизаторы» сами поджигают. Они в борьбе за чистоту, и своим жизнями готовы рисковать, и чужими! Ох боюсь, как бы не спалили они когда-нибудь всю нашу Зону...

Остатки сухарей и воды давно кончились, клонило в сон, но долгих привалов не делали – всем хотелось поскорее добраться до Бара.

Как только начало светать, Лаэрт с уверенностью объявил:

– Уже близко. Сейчас посадки кончатся, а там – полями, всего километров десять.

Когда вышли в поля, зарядил дождь. Не проливной, но неприятный.

– Не мог что ли, пока по посадкам шли? – ворчал Озноб.

Пока доплелись до Бара, все промокли и промёрзли до дрожи, да ещё и устали. Так что в Бар они ввалились чуть не кубарем. В отличие от подобных заведений на Большой земле, местное в утренние часы не пустовало. В эту пору, как раз многие возвращались после грибных рейдов и ночной рыбалки. В Баре продрогших путников встретили приветственным гулом и фальшивым звоном жестяных кружек.

– Чего без улова? – весело интересовались захмелевшие «рыбаки».

– Да мы по другому поводу ходили, – пробурчал Лаэрт.

– Ну и как, удачно?

– Да могло быть и лучше..., но... и хуже могло быть. В общем, есть, что отметить. Тем более, скоро будет «на что».

И пока измождённые «приключенцы» обустроивались за дощатым столиком в углу, Лаэрт из последних сил побрёл к барной стойке. Он обменялся с Барменом несколькими фразами, обернулся и махнул рукой, видимо, указывая на студентов. Затем Бармен поставил перед ним раритетный аппарат с дисковым набором. По телефону Лаэрт говорил совсем недолго. В

конце разговора он отдал трубку Бармену. Тот приставил трубку к уху, пару раз кивнул, угукнул и так ничего и не сказав, положил трубку на рычаг.

Вскоре Лаэрт вернулся за столик с пивом и деньгами. Аккуратно разделив на четверых небольшую сумму, ребята взялись за пиво. Студентам Лаэрт тоже взял по кружке.

– Когда теперь ещё в таком месте пивка попьёте?! Давайте, за ваше счастливое избавление! Я про вертолёт уже договорился! Пришлось за вас перед Барменом поручиться – военные кого попало на Большую землю не возят. Ну да по вам видно, что не врёте!

– А может и меня уже отседова заберут, – лилейно протянул Озноб.

Поджарый с кисловатой усмешкой стукнул своей кружкой по его:

– Все мы временами жалеем, что сюда полезли...

– ...и что обратного пути для таких как мы нет, – повернул Лаэрт, брякнув по кружкам всех присутствующих.

Тут Вася исполнился шутейного возмущения:

– Мне, как новичку, оскорбительно такое слышать! Не хотелось бы мне так скоро в своём выборе разочаровываться!

– Да это мы так – постстрессовая меланхолия, – улыбнулся Поджарый.
– Вот сейчас пивка хлебнём, поболтаем, старое вспомним, новое задумаем, затем выпьемся хорошенько и к вечерней ходке будем в полном порядке!

Дальше всё было примерно так, как сказал Поджарый. Ребята хорошо посидели и через пару часов начали разбредаться по койкам. В Баре всегда можно было переночевать, Бармен держал для этих целей комнаты с трёхъярусными нарами. Сначала пошли отсыпаться Лаэрт и Поджарый. Следом поплелись чуть было не уснувшие за столом студенты. Последним, что сказал Озноб перед уходом, было:

– Вечером пойду в Бункер, Петю проведу. Ему плохо, болеет он. Доцент грозитя ногу отнять. Петьке бы на Большую землю... да, пожалуй, ему нужнее всех. – Озноб хлопнул Васю по плечу. – Держись тропы Вася и будь всегда осторожен.

Вася проводил взглядом пошатывающегося Озноба, рассеяно заглянул в свою пустую кружку, нащупал под столом рюкзак и тоже побрёл спать.

По сути Бар представлял собой надстройку старой угольной шахты, благоустроенную и расширенную множеством пристроев. Сама же заброшенная шахта служила как стационарное отхожее место – гордость Бармена и одна из немногих местных достопримечательностей. Это обстоятельство регулярно выручало местных работяг. Одно было плохо – вечером здесь бывали большие очереди. Вася стоял уже минут десять и успел кое-чего послушаться про нелёгкий труд «рыбаков», про капризы местной погоды и повадки местного зверья, про «грибные» места и слепой случай.

Наконец подошла его очередь. Вася вошёл в плохо освещённое помещение с дощатым полом. По всему его периметру сидели на корточках мужики. В полумраке Вася не сразу нашёл свободную лунку. Отверстие было совсем небольшое. Вася понимал, что это в целях безопасности. Сидеть над сраной бездной было страшновато, поэтому Вася сделал свои дела быстро и почти бегом направился в залу, опасаясь, что у барной стойки очередь будет не меньше.

В зале очередь была всё же поменьше. Вместо Бармена за стойкой крутился какой-то весёлый, пузатый дедок. Несмотря на возраст, он справлялся со своим делом споро, видимо, потому что говорил и двигался одновременно. Его слух улавливал сразу по два заказа, а его бесконечные остроты добавляли пикантности местной незамысловатой кухне. Вася попросил сосиску, лаваш с яблочным повидлом и чай.

Вместе с заказом Вася получил маленькую, аккуратно сложенную записку. Он расположился за вчерашним угловым столиком, сделал глоток чая и, понимая что письмо не от родственников, осторожно развернул бумажку:

«Через час подойди к стойке на разговор.»

Вася уже и забыл про ту дурную историю с тем мутным делом. И вот, на тебе! «Привет» от Бармена. Василий зла этому Пантелею не желал. Но и самому сгинуть за принципы раньше времени, да без всякого толку ему вовсе

не хотелось. Вася понимал, что в этом мутном деле ему придётся проявить всю гибкость и осмотрительность, на какие он способен.

Отёчный и несколько заторможенный, явно не выспавшийся Бармен говорил медленно, с большими паузами:

– Ты что, «на полном ходу» соскочить хочешь!?

– Да мы, вроде, ни о чём конкретном не договаривались, – залепетал Вася, – так, мнениями обменялись...

– Это ты думаешь, что не договаривались! – Бармен немного смутился своего повышенного тона, зыркнул по сторонам и продолжил вполголоса. – У твоего собеседника на этот счёт может своё мнение быть.

– Ну во, и поболтать уже ни с кем нельзя!

– Видишь ли, тут каждое твоё слово это повод тебе же самому и задуматься. Если не до сказанного, то хотя бы после.

– Да все мы задумываемся... в основном конечно после... и толку то...

– Ничего, – перебил его Бармен, – лучше поздно, чем... ещё позднее. И для тебя лучше, чтобы я глупостей таких больше не слышал! – Бармен перевёл дух и взялся за лысину, будто проверяя, на месте ли она. – Теперь к делу... Всё... ты себя здесь зарекомендовал. И не просто, как перспективный новичок, а уже, как надёжный, честный работяга и помощник во всяком хорошем деле. Сразу было нельзя, а теперь ничего подозрительного в том не будет, если ты всем попутным говорить будешь, что «проводника» ищешь, потому как всё тебе здесь уже обрыдло и есть у тебя заветное желание. – Бармен протёр влажной тряпкой полки, прилавок, а затем и свою лысину. – Найти этого Пантелея будет непросто. Он давно на люди не показывается. Болтают, что в чащи ушёл. Почуял, видать, что-то, старый лис. Но если повезёт, Пантелей сам на тебя выйдет. Ты тогда походи с ним по окрестностям, во всём его слушайся, а спустя время, он непременно позовёт тебя в Незванный лес. Ты тогда скажи, что тебе сначала надо собраться, кое-какие дела свои доделать, и пусть он назначит тебе встречу где-то на кромке. Так вот, ты на эту встречу не пойдёшь, а моему человеку время и место

сообщишь. Всё. Дальше тебе останется только в Бар за деньгами зайти. А пока придётся тебе, Вася как говорится «погулять». Втирайся во всё местное, обтёсывайся, репутацию зарабатывай... а там, глядишь, и Пантелей объявится. Любопытно ему станет: что за гарный хлопец нынче в его владениях «грибочки» бессовестно режет.

– Так разве ж я на его особые «грибки» посягать стану?

– Станешь, станешь, когда надо будет. Я скажу, когда. Пока-то тебе в Незванный лес рановато соваться, погода нынче не та. Ну, иди с миром, шастай по округе, приноси мне улов, зарабатывай на хлеб насущный, живи как все. – Бармен ловко и незаметно сунул в нагрудный карман Василия плотную скрутку купюр. – Мелкие купюры меньше подозрений вызовут, если вдруг загуляешь.

Василий цедил остатки своего остывшего чая. Он хмуро поглядывал в жестяную кружку, стараясь не наестся чаинок. Бармен молча и бездвижно привалился к стойке – похоже, впал в задумчивость. Заметив, что Вася всё ещё у стойки, он мельком глянул в его сторону и поспешно отвернулся к своим полкам.

Вася осмотрелся. Зал уже заметно опустел. «Ладно», – подумал он, – «пусть идёт, как идёт». Васе не хотелось сейчас никуда спешить, а хотелось посидеть, послушать местные разговоры и только затем, так уж и быть, отправиться-таки наконец в этот Грибной лес. «Видать, никак мне мимо этого не пройти», – неторопливо размышлял Вася, – «и чем раньше я во всём этом разберусь, тем уже наверное и лучше». Более-менее определившись с дальнейшим, Вася немного успокоился. Он «растёкся» по спинке деревянного стула и теперь пытался «раствориться» в приятном кабацком шумке, в остатках своего остывшего чая, в местной атмосфере, с душком, но кажется не такой уж и враждебной. В какой-то момент его рассеянное внимание зацепилось за странный, тихий разговор, тлевший неподалёку.

Как понял Вася из разговора, некто Прохор толковал про некий холм, причём очень по-своему. Излагал Прохор просто, доступно и некая логика в его учении всё-таки присутствовала. Опять же – всё очень наглядно, жизненно... Прохор был «на своей волне», а Муромец, каким-то образом оказавшийся с этим Прохором за одним столом, сегодня был настроен критически:

– Нашли от чего в религиозном трепете содрогаться – унитаза на холме!

Прохор терпеливо сетовал:

– Грешно над чудом насмеяться. Разные они бывают чудеса-то. Это чудо..., ну как сказать..., такое, понимаешь, земное что ли...

– Ну да, земное! – потешался Муромец.

Но Прохор, видимо, уже выработал к смеху иммунитет, прервать его проповедь было не так просто:

– ...а всё ж таки – чудо! ...помню, подошёл – холодом от него веет. Рукой коснулся – поверхность твёрдая, гладкая, без изъяна, ...монолит. Формы такие... обтекаемые, точёные, я бы сказал – идеальные. Прислушался – кажись, внутри вода плещется. Заглянул – и правда! Чистая, прозрачная, журчит...

От громогласного гогота Муромца рассказчик всё же сбился. Некоторое время Прохор маялся – то сопел, то вздыхал, то вдруг брякал кружкой о стол – искал, как лучше снова зайти в разговор. Наконец, «старый граммофон», хрипя и заикаясь, вновь приноровился к любимой «заезженной пластинке»:

– Вот, по библейски человек, вроде как из глины. Так и эта самая штукovina – тоже! Есть что-то в ней особое... сказать только не умею... зря ты смеёшься...

– Знаю я, что из чего и как устроено! – сурово парировал Муромец.

– Да другое мы здесь должны понять! Та штукovina на холме – лишь средство. Она там, чтобы мы здесь поняли! Поняли, что говно – это говно!

– Да вроде все в курсе..., – развёл ручищами Муромец.

– Нет! Это тоньше, понять надо! Глубже! Окультуриться надо!

– Ишь ты! Прямо культурологический оккультизм!

– Может и оккультизм! А что делать? Что умом не поймёшь – всегда нутром чуешь. Вот и сейчас... чую – ворочается что-то во мне, бурлит, наружу рвётся, да нельзя!

– То-то и оно, что нельзя! Ты там, держи покрепче! А я пошёл от греха, пока тебя тут не разорвало..., – Муромец встал из-за стола несколько

торопливо и небрежно. От того стол подпрыгнул, как испуганная лошадь, и на Прохора полетели остатки его сухарей и пива.

«Вот и мне пора», – подумал вдруг Вася.

Монолит

Василий шёл с твёрдым намерением, на этот раз добраться-таки до заветных «грибков». Погода держалась, вроде бы вполне тому располагающая. Немного смущала только небольшая облачность далеко на юго-востоке. Идти было легко, тропа в направлении леса была найдена, и Василий почти не смотрел под ноги. Но чем дальше он удалялся от Бара, тем больше случалось развилок и перекрёстков. Тропа всё чаще делилась на всё менее внятные и всё более ухабистые тропки. Бог знает, куда могла бы завести Васю любая из них, если бы он не сверялся с картой, скрупулёзно придерживаясь указанных в ней ориентиров. Когда впереди показалась кромка леса, тропа окончательно растворилась в полях. По мере приближения тёмной гряды Вася стал примечать вдалеке едва различимые силуэты «коллег и единомышленников». Отчего-то их было не так много, как ожидал Вася, хотя время было самое ходкое. Один из далёких силуэтов, слева от Васи был поближе прочих и вполне себе различим. Сутуловатый мужичок в коричневом комбинезоне бодро вышагивал в том же направлении, что и Вася. Вася шёл, строго придерживаясь выбранных ориентиров и вскоре заметил, что постепенно сближается с незнакомцем. Получалось, что Вася шёл ему наперерез. Уже на самом подходе к лесу их пути всё-таки пересеклись. Было солнечно, незнакомец с прищуром глянул на Васю:

– В лес идёшь?

– В лес..., – притормозил Вася.

– Ну значит, по дороге нам.

Некоторое время шли молча.

На самой кромке леса, уже входя под сень деревьев, незнакомец глянул через правое плечо куда-то совсем далеко:

– Хорошо бы в Бункер по дороге зайти...

Васе вдруг тоже захотелось в Бункер – попить чайку, увидеть симпатичное лицо Светланы, услышать какой-нибудь добрый совет, отпустить пару безобидных шуток по поводу случившегося на Свалке.

– Можно и зайти... Просто так или зачем-то идём?

– Погоду местную никогда не грех уточнить. Идём мы своей дорогой, солнышко нам светит, а позади за нами тучка маленькая ползёт. Может это и ничего, может это и не *та* вовсе тучка..., а в Бункере нам поточнее скажут, тем более что всё равно по дороге.

Вася мельком глянул на попутчика – седина и сухое обветренное лицо показывали возраст, о котором нельзя было предположить издали, пока тот бодро вышагивал через поля совсем не старческой походкой. Чтобы чем-то занять себя по дороге Вася пытался вычислить возраст попутчика по его речи, движениям и одежде. Все варианты были таковы, что Вася решил обратиться к попутчику на вы:

– Вы, вероятно, давно здесь...

– Тут «на вы» не принято, независимо от возраста. В Зоне свой счёт идёт. Здесь не года, а дни считают. Тут все равны. Жизнь здесь нелегка и зачастую недолга. Поэтому молодёжь здесь взрослеет быстро – иной раз за час можно до глубокой старости состариться... а то и до смерти.

– С этим ясно... А вот, как по твоему, есть в этом всё какая-нибудь правда – про холм, про этот... «монолит»?

– Есть. Только шибко много её – всю так сразу не скажешь. И очень она... разная.

– Ну, хоть что к примеру?

– Иные верят, что желание там исполняется, ну якобы, одно, заветное... А к примеру, вот тебе одна история про одного бедолагу.

Тогда сырое утро выдалось. И тропа, стало быть, отсырела. А местами её вовсе залило, там где она меж самых топей шла. Шёл-то он – аккуратней некуда, но темп старался держать, чтобы как раз на третий день к приливу поспеть. Шёл засветло, чтобы в топь не провалиться, останавливался только ночью. Захотелось ему днём, хоть хлеба на ходу погрызть. Завёл руку за спину, открывает накладной карман, и вот же – поскользнулся! Упал спиной,

прямо в вязкую топь. Что называется, влип. Хорошо, успел рюкзак отстегнуть...

Вот так вышло, что весь провиант он похерил. Хлеб, правда, из болота успел выловить, отжал и сунул мякиш за пазуху, не решив ещё, можно ли это есть. В общем, из еды, только фляжка спирту у него и оставалась. Два дня шёл с одной этой флягой. Ни ручейка, ни дождинки не было. Только туман... тропу кое-как видно, а небо и деревья канут, так что уверенности уже никакой нет: та ли это ещё тропа, и есть ли вообще над ней небо. На третий день он всё же рискнул мякиш хлебный употребить. Думал: «спирт, отраву нейтрализует». Ошибся он – голова идёт кругом, живот крутит...

И вот наконец, видит он холм. Отыскал плоскодонку в кустах, догрёб. Поднимается по склону совсем без сил. В голове туман похлеще того, что снаружи. Да ещё в животе бурлит – сил уже ни каких нет терпеть. Обоими руками за зад держится. И жить хочет, и срать – никак не в меньшей степени. Ну и слышит, вроде как с холма: «иди ко мне, твой путь завершён, я вижу твоё желание». А туман такой, что вершины холма не видать. Но звук, будто бы оттуда. Идёт парень сомнениями обуреваем: и наверх страшно, и внизу смерть – отлив начинается. Сил совсем нет, а остановиться нельзя. Вползает он кое-как на холм, и на самой уже вершине видит силуэт ослепительно белый, прям так и светится. Делает он свои трудные последние шаги, из последних самых своих сил. И вот уже разобрать можно: светящийся, блестящий от влаги монолит... фаянс, импортный, чешский. Тут уж он больше не сомневался! Живо «исполнил своё желание»! Потом не раз бедолага этот в Баре рассказывал: *...восседаю, понимаешь, сру, а в глазах слёзы. Думаю: «что за злая судьба? Просрался бы где-нито под кустом, заранее – с другими бы мыслями в святое место шёл!»*. – Пантелей легонько пнул сухую ветвь, лежавшую на дороге. – Вот так! Хошь плачь, хошь смейся! История не выдуманная. Такого нарочно не придумаешь. Ты его, может даже ещё увидишь. Он с тех пор немного странный стал, какую-то свою... то ли религию выдумал... Да может ты уже и слышал про этого бедолагу?

– Не Прохором ли его кличут?

– Он самый! – Тут незнакомец быстрым, коротким жестом отметил что-то мелькнувшее меж стволами. – О, кажись пришли.

Растрескавшиеся стволы стремительно редели, в просветах всё явственней блистала серебристая полусфера.

Васин попутчик первым добрался до двери и постучал как-то по-особому. Дверь открыли довольно быстро. На пороге их встречала Света. Увидев их, она улыбнулась, но Васе эта улыбка показалась грустной. Уже в коридоре к ним вышел и Венедикт Карлович:

– Проходите-проходите, давно тебя, Пантелей, видно не было.

«Вот и познакомились» ёкнуло в Васиной голове, и он ещё раз мельком глянул на своего попутчика. Тот запричитал извиняющимся тоном:

– Да вот, забот всё больше, а годы не те. Никуда не успеваю, уже и чаю с тобой попить некогда!

– Ох, поспел ты нынче Пантелеюшка не к чаю, а на поминки...

– ...кто?

– Петя.

– Как так? – искренне изумился Вася, помня, как бодро громыхал костылём Петруха ещё позавчера.

– Нога осложнение дала... за ночь сгорел.

– Что значит...

– Да в переносном смысле...

– А-а, – понимающе замычал Вася.

Пантелей забормотал себе под нос какие-то витиеватые ругательства, а столкнувшись взглядом с Васей, сказал:

– А ведь это, пожалуй, на мою совесть надо взять.

Вася и Венедикт Карлович уставились на Пантелея. Пантелей пояснил:

– Он с месяц тому приходил, просился к холму. Я всё сомневался, присматривался, подождал просил. Теперь вот не в чем сомневаться! Только сожалеть и остаётся...

Теперь, когда Пантелей скинул капюшон и сутуло прислонился к стене, возраст его прибавился. И всё же трудно было сказать точно – пятьдесят, шестьдесят... на вид, может и девяносто, но походка, движения... Венедикт

Карлович легонько поправил плечо Пантелея, будто в попытке исправить его осанку:

– Эко ты хватил! Никто не может всего знать заранее. А если бы ты его взял, а он бы... не готов оказался, или попросту не дошёл бы, ты бы тогда тоже себя винил?

– Конечно.

– Ладно, не будь гордецом, не всё в твоих силах. А вот помянуть как положено хорошего парня мы с вами обязаны.

Венедикт Карлович указал жестом куда пройти. На столе стояла бутылка водки, банка тушёнки и жестяные кружки. В углу, держа кружку обеими руками, сидел Муромец. Вошедшие молча встали у стола. Муромец тоже встал. Первую выпили стоя и не закусывая. Разговорились только после третьей, вспомнили кое-чего, даже посмеялись немного. Венедикт Карлович первым посмотрел на свои старые механические часы и лаконично объяснился:

– Пора.

Пантелей только и успел спросить исчезающего в проёме двери доцента:

– Что с погодой? А то мы в лес собрались...

– В лес не советую. Погода будет, в самый раз для рыбалки.

Пантелей молча развёл руками и переглянулся с Васей. Вася пожал плечами и кивнул:

– Рыбалка, так рыбалка.

Муромец выпил четвёртую, посмотрел на Васю с Пантелеем и предупредил:

– Я вас, может, в дороге нагоню.

– Только мы споро пойдём, а то там наверное темно уж совсем, – в свою очередь предупредил Муромца Пантелей.

Выбравшись наружу, Вася услышал какой-то гул и треск со стороны леса. Похоже, там был ливень. Ветер раскачивал деревья, трещали разряды, всё искрилось и блистало. Здесь же, рядом с Бункером едва моросило. Несколько секунд они с Пантелеем наблюдали за «безобразием» в лесу. В других направлениях вообще ничего не было видно, стояла непроглядная темень. Лишь вспышки молний на мгновение делали мир видимым. Вася даже засомневался..., но вдруг услышал за спиной резкое, неприятное жужжание, а обернувшись, увидел, как в руке Пантелея всё ярче разгорается свет. Лица Пантелея видно не было, но по голосу чувствовалось, что он улыбается:

– Ну что, не убоимся тьмы?

Вася вспомнил, как ещё ребёнком бывал у деда в деревне и там не раз баловался со старым механическим фонариком типа «жук». Компактная динамо-машинка придавала фонарику ощутимый вес и с трудом разгонялась детской рукой, и всё же это была любимая Васина игрушка.

Пантелей быстро нашёл какую-то знакомую тропку и шёл уверенно, «жужжа» только на ухабах и поворотах. Вася жадно ловил взглядом то небольшое, что «показывал жук» и всё более погружался в детские воспоминания.

Они остановились на берегу небольшой заводи. Пока шли, взошла луна. Теперь вода отражала её свет и можно было как следует осмотреться. На том берегу заводи расположилась заболоченная рошица. Вместо птиц здесь пели лягушки, а хирые деревца чувственно, надрывно поскрипывали и простирали над заводью измождённые ветви, будто тщились бежать из гиблого места. Эта особая, диковатая, чудная и опасная красота вдруг остро напомнила Васе о Петре:

– Для кого всё это? Для нас? А почему не для Пети? Как так выходит? Нет справедливости, ни на Большой земле, ни здесь. Ему-то как раз бы и жить! Своей жизни не так жалко, как его. Если такие мрут, к чему она нам вообще такая скотская жизнь!?

– Ну, ты... даром жизни-то не пренебрегай.

– Не помню, чтобы я *такой* жизни просил! Тут поневоле брезговать ею начнёшь...

– Ты хандру эту не разводи. Мне самому тошно. И поводов у меня для этого поболее твоего... Пётр тебе долго жить приказал, а я тебе посоветую жить счастливо. Оно, знаешь, одно другому не мешает, помогает даже. Петька совсем молодой был, конечно жалко его, но и таким как ты тоже жить надо. Ты ещё и сам счастлив будешь, и другим поможешь.

– Жить? Как подумаешь...

– А ты шибко много в одну голову не думай. Что-то тебе расскажут, что-то и сам расскажешь... Вместе оно и веселей, и вернее будет. На этом пути нельзя одному.

– Ну, стало быть... можно жить?

– Можно и нужно.

– Кажись, даже уже хочется, – вздохнул Вася, – хотя бы из одного любопытства: куда дорожка наша вильнёт, да что ты мне завтречко нового про это всё наплетёшь.

– Интересного много можно рассказать..., главное здесь – свою тропку найти. Тогда по любви будешь жить, а не по скупому расчёту.

– А можно тут у вас как-нибудь так рассчитать, чтобы не сгинуть? ...особенно не хотелось бы за зря...

– Ничего... можно тут... Надо только терпение и упрямство проявить. Будем трудиться, будем умирать, будем рождаться...

– Да уж... В целом-то мне всё тут уже ясно... оскомины у меня скоро будет от этой ясности. Вот только разобраться бы ещё с одним вопросом...

Тут Вася примолк, боясь ляпнуть лишнего. Ему хотелось быть со стариком откровенным, но пока он сомневался – не рано ли? Пантелей коротко глянул на Васю:

– Что, уже успел здесь кому-то что-то задолжать?

– Да была у меня давеча одна мутная беседа...

– Ты в разговорах будь поаккуратней. Не со всеми тут можно запросто и без последствий. – Пантелей опустил на землю старый армейский вещмешок.
– Ладно, надо навес натянуть, удило поставить...

– Удило?

– Да здесь срежем! – Пантелей ткнул пальцем в заросли орешника. – Леска у меня есть, наживку накопаем.

– И хорошо тут клюёт на удочки?

– А кроме удила тут ничего и нельзя. Динамит вообще нельзя, а сеть всё болотное огнеопасное дерьмо соберёт. Одно хорошо – раньше утра комаров не будет. А если всё по плану пойдёт, то и нас к тому времени здесь не будет.

– Да, давай уж по плану...

Дальше всё было по плану. Концы навеса подвязали к веткам сухого, безлистого кустарника. Удило сделали из его же лозы. Глядя, как Пантелей напряжённо копается палкой в прибрежном иле, Вася полюбопытствовал:

– На что же здесь клюёт?

– Это, смотря кто.

– А кого мы ловим?

– Это, смотря, что накопаю...

Вася подобрал подходящую палку и тоже принялся ковырять ил. Пока Вася расширял свою ямку, Пантелей зачем-то старался воткнуть палку как можно глубже. После очередного погружения в вязкий ил Пантелей вдруг изменился в лице:

– О, наживка, кажись уже клюнула. – С этими словами он потянул палку вверх. – Тяжело идёт, крупный наверное, – кряхтел старикан. Вскоре на свет Божий явился некий чудной компромисс между жуком и крабом. Существо намертво вцепилось в палку, чем крайне порадовало Пантелея, который ту же выхватил откуда-то большой крючок и ловко проткнул им чёрный панцирь. – Вот нам и наживка, она же и поплавок. – Пантелей опустил удило совсем рядом с берегом. Насекомое перебирало множеством конечностей, кружа по поверхности воды в пределах свободного хода лески. – Теперь знаем, кого ловим. На него Подобие хорошо клюёт.

– И кому это Подобие подобно?

– Да более всего на сома похоже, ну и на ящерицу немного.

– А наживка как называется?

– А эту мелкую мерзость мы особо не различаем, тут пока что не всему есть название. – Пантелей привязал леску к ноге и уселся на небольшой, покрытый травой выступ, Вася последовал его примеру. Пантелей достал из-за пазухи фляжку, сделал глоток, дал глотнуть Васе. – Ну теперь только ждать. Удило у нас надёжное, можно хоть что вытащить.

Они сделали ещё по глотку, поговорили о чём-то неважном, но приятном, затем откинулись на траву и принялись искать знакомые созвездия...

Васе снились инопланетяне. Они сообщили, что их цивилизация под угрозой уничтожения и требовали от Васи какой-то чудодейственный рецепт, известный только землянам. Без этого средства они были обречены. Гуманоиды очень спешили. В связи с какими-то сложными законами физики у них было всего несколько минут. Васе было очень стыдно, что он не знает рецепта. Он судорожно перебирал в голове то небольшое, что знал о лекарствах, и уже перед самым их отлётом, в жесте отчаяния сунул их главному фляжку с остатками спирта. Когда корабль с трудом оторвался от земли, из люка высунулась улыбающаяся голова главного и весело прокричала: «Клюёт!». Это прозвучало так неестественно громко, что Вася проснулся.

Теперь Вася слышал оглушительный шум воды и изошрённую брань Пантелея. Вася вскочил. Пантелей полулежал в воде, с трудом удерживая удило обеими руками. Вася перепрыгнул через Пантелея, одной рукой схватился за край удила, а на предплечье другой принялся наматывать леску. Васю мотало из стороны в сторону, он едва держал равновесие.

– Тяни! – стонал Пантелей.

Вдруг кусты позади них затрещали и оттуда выскочил Муромец с багориком в руке. Он с разбегу прыгнул в мутную жижу, расплескав чуть не всю заводь и начал с размаху колотить багориком по бурлящей воде. В какой-то момент ему удалось подцепить «гада».

Рыча, бранясь и спотыкаясь мужики потащили «чудище» на берег. Добравшись до ближайшего дерева, Пантелей намотал леску на ствол.

Мужики уселись на берег подле рыбины. Теперь стало очень тихо. Вася с любопытством рассматривал улов:

– Подобие?

– Оно самое, – устало кивал Пантелей. – Без Муромца могли и не вытащить – крупный, зараза.

Шкура существа блистала в ярком лунном свете, длинные усы шевелились, перепончатые лапы бессильно загребали песок. Вася подвинулся поближе. Подобие дрогнуло, шевельнуло усом и из приоткрытой пасти послышалось что-то вроде «Па-анте-еле-е-е...». Вася наклонился, прислушался... «...тяни-и-и-и...». Вася обомлел:

– Они что, разумны!?

Пантелей, смеясь, замахал руками:

– Бог с тобой, пусть твоя совесть не тревожится – у этой твари мозг с копейку, не больше иного рыбьего. Звуки эти она неосознанно производит. Это такая у неё приспособа для охоты. Она морду у кромки воды тарашит и пению местных пичуг вторит – те, иной раз, прямо на морду этой твари садятся...

Тварь снова приоткрыла рот: «Ву-а-ассся-а...». Муромец с силой ударил её багориком в темя:

– Ненавижу эту их манеру!

Тварь затихла. Васе было всё ещё не по себе:

– А заветные желания эта сволочь не исполняет?

– Только одно – «немножко денег», – отвечивал Муромец. – Вот допрёшь тушку до Бункера, и исполнится. А сейчас надо её на травку, да разделывать, пока не рассвело.

Муромец подцепил Подобие багориком и поволок за кусты. Пантелей тем временем успел раздобыть новую наживку. Он снарядил удило и вручил его Василию как переходящее знамя:

– Вряд ли успеет ещё что-то словиться, но мало ли...

Вася остался сторожить удило, а Пантелей пошёл помогать Муромцу с разделкой. Но работать молча Пантелей, видимо не мог, и вскоре из-за куста Вася услышал тихое ворчание Муромца:

– У тебя, шулера всегда всё складно выходит. Излагаешь, будто из рукава выкладываешь, одну к одной.

Одним глазом присматривая за удочками, Василий пересел поближе к кусту и прислушался, как Пантелей с удовольствием раскладывает свой очередной «пасьянс»:

–...ну смотри, сама по себе нефть – субстанция исключительно древняя. Сгнившая материя тех, кто жил миллиарды лет назад. Это уже про вечность. Теперь цвет – запросто может ассоциироваться с чернотой безмерных космических пространств, что опять будет в одном ряду с понятием «вечность». Такие вот, стало быть опосредованные ассоциации... Далее свойства... во-первых, нефть это жидкость, что прекрасно отражает изменчивость, текучесть и неуловимость времени. Потом, нефть гореть может. Значит, круг жизни замыкается! Ведь сначала у нас большой взрыв, плазма, энергия. В огне зарождается жизнь, развивается живая материя. Потом материя проходит множество стадий разрушения, пока, наконец, не сгниёт окончательно, став нефтью. А нефть, видишь ли, вновь способна гореть! То есть, прям «феникс возрождающийся»! Давным давно мёртвое вновь становится светом и теплом, энергией для новой жизни! Разве ж это не про вечность!? Потом, запах её. Нюхал? Это такой тесный, душный, смрад чего-то более чем старого, более чем мёртвого. В общем, даже запах всё про то же! Просто не надо слишком прямолинейно понимать это *его* утверждение. Сказано: «пахнет», понимать следует: «ассоциируется».

– Ладно, ладно убедил. «Вечность пахнет нефтью» – более чем логично, супер точно, исчерпывающе полно. Ни в коем случае не наркоманский бред, а очень осмысленное и ответственное заявление. С пониманием сказано! – Последнее Муромец произнёс уже с нескрываемым сарказмом. Теперь ему было досадно, что сам же затеял этот разговор. Шурша кустами и поспешно отливая, Муромец тихонько бурчал:

– Все нынче философы, да поэты... толкователи слов! Мож и к моему пердежу рифму подберёте!? Эти разговоры о вечности только и годятся, чтобы время убить!

– Вот те раз... Ты ж сам затеял! – развёл Пантелей руками.

– Да вот, спросил не подумавши и наслушался теперь чёрте-чего, уснуть потом не смогу.

– Теперь спать не время. Светает, скоро комары полетят. Надо уже о днёвке думать. Хорошо бы успеть до Бункера дойти.

– Да вот, припозднился я, хотел ещё на тропе вас догнать, да за вами не угонишься. А Бункер... Не могу я сейчас там сидеть. Не знаю как вы, а я сегодня на болоте дневать останусь. А может и завтра тоже. У меня тут неподалёку старая дырявая лодка. Я ею накрываюсь, а дыры камышом забиваю. Если кто хочет, со мной оставайтесь. – Муромец потрянул рукой куст, за которым сидел Василий. – Чё за кустом прячешься? Оставайся! Завтра ещё порыбачим.

Вася вышел из-за куста и поёжился, вспоминая свою первую встречу с комарами:

– Я у вас тут недавно, пока для меня это слишком... романтично.

Когда Муромец обратил свой взор на Пантелея, тот изобразил извиняющуюся улыбку и развёл руками:

– А мне пора уже в чащи наведаться, вот только улов в Бункере сбросим... тогда твоя доля там тебя будет ждать.

– А меня с собой в чащи не возьмёшь?

– Дался вам этот холм... ты же знаешь, туда так запросто нельзя.

– Блин горелый, что-то и мне на болотах перехотелось ночевать. Если бы кто со мной остался..., а так – с вами пойду до Бункера, а там видно будет.

– А там всегда виднее, – заулыбался Пантелей, – такое там место... хорошее, и люди там хорошие. Понятно, что сейчас там всё о Петре напоминать будет, но нам мимо Бункера всё равно долго ходить не получится. Надо привыкать.

– Когда-то может и привыкну, – пробурчал Муромец. – Ладно. С рыбиной, вроде всё, можем выходить.

– Самое время, – Пантелей назидательно ткнул пальцем туда, где начинался рассвет.

Пантелей мерно ступал по зыбкой ненадёжной тверди и вещал как старый радиоприёмник – невнятно и монотонно, пространно и бесконечно, но зато с неизменной уверенностью и исчерпывающе обстоятельно:

– ...ипостасей у человеческой скверны много, а суть одна – говно. – Тут Пантелей вдруг заговорил стихами:

Всю прозу – жизни

Мечтам – стихи

Вся слава – Богу

Людям – грехи

Муромец плюнул себе под ноги:

– Вот ты всё про говно, да про грехи. А мне, может, о другом совсем мечтать хочется! О прекрасном, о великом!

– Мечтать, говорят «не вредно». В меру оно ничего не вредно. А без меры... всё вредно. Не надо хотеть «много и сразу». Не твоё оно. Что-то надо, знаешь, и другим-прочим оставить. Всякому человеку искать должно что-то очень, очень своё, то, что ты, и хочешь, и можешь, и должен. Так что ты волю свою, желания, да помыслы всяческие по мутным далям не размазывай, в бездне непознанного не растворяй. Ты сосредоточься на малом, сильном для человека, и сделай это малое хорошо! В таком малом деле будет благо для всего сущего. А все глобальные вопросы решаются сами собой – всем миром, да с Божьей помощью.

– Экий ты, Пантелей, зануда... О, Васька, глянь туда! Такого на Большой земле нет! Это Местная жаба. Уши руками закрой...

Василий посмотрел туда, куда указывал Муромец – на большой булыжник, заросший тиной и щедро осыпанный ряской. Вдруг булыжник треснул по горизонтали. Ярко-красная линия вскоре стала полосой, которая продолжала стремительно расширяться...

«Жабий зевок» в утренней тиши звучал нестерпимо пронзительно. Вася с такой силой зажал ладонями уши, что глаза его полезли из орбит. Но звук, всё же проникал в сознание, наполняя Васю отчаянной тоской, вызывая в нём какое-то неожиданное и, казалось бы, неуместное сейчас сочувствие к этой нелепой, болезненной форме жизни. Жизнь эта, хрупкая, безрадостная и никчёмная, возвещала сейчас миру о своём существовании. Протяжный, истошный звук был полон отчаянного протеста. Он стих, только когда жаба полностью вывернулась на изнанку. Теперь она сидела к ним спиной. Ещё секунду она переливалась пурпуром, вертела башкой и тарасила во все стороны мутные жёлтые глаза, затем вдруг закрыла один глаз и нырнула в тёмную болотную жижу.

В вечерних сумерках заросший травой Бункер выглядел, как огромное яйцо в огромном косматом гнезде. Вдруг в «скорлупе» что-то лязгнуло и начала ширится брешь. Вскоре оттуда «вылупились» два маленьких существа.

Пантелей не спеша свернул самокрутку и с первой затяжкой выдохнул:

– Погода нынче подходящая встала, можно и куда подальше... Думаю в Незванный лес податься. Чую, поспекает там что-то. Пойдёшь со мной?

Вася, и немного удивился, и испугался, и вместе с тем отчего-то обрадовался неожиданному предложению:

– А что там за дорога, чего с собой брать-то?

– В эту дорогу всё своё лучшее с собой бери, но так, чтобы налегке идти.

Вася призадумался. Он мысленно перебирал содержимое своего рюкзака и отчего-то не мог теперь найти там ни одной по настоящему ценной и действительно необходимой вещи.

Выход

Шёл уже второй день пути. Позади была непростая ночёвка. Дорога впереди сильно петляла, куталась в непроходимые заросли, ныряла в глубокие топкие лужи, а временами вовсе исчезала из виду. Но каждый раз Пантелей вновь находил тропу по каким-то одному ему известным приметам. Было непонятно, находил ли он всякий раз прежнюю, или уже какую-то иную... Васю радовало одно – теперь они в основном шли днём, а спали ночью.

В какой-то момент Пантелей вдруг сказал:

– К холму пойдём.

– К холму? Ты ж говорил, что нельзя туда.

– Раньше было нельзя.

– Это чё там, занято что ли было!? – полушёпотом, полшутит Вася.

– Правильно, шути-шутит... это хорошо, это бодрит. Всё здесь шутка, да не всё смешно. А без хорошего чувства юмора и не поймёшь, где в этой шутке доля правды.

– И где?

– Ну, например в том, что *туда* можно не всем и не сразу.

– А что там... ну кроме этого... «монолита»?

– Пока не скажу. Заранее нельзя знать. Скажу, когда близко подойдём, и обратной дороги уже не будет. Там то, о чём все здесь мечтают.

– Что ж так всё загадочно!?

– По дроге объясню. Но начну объяснять очень издалека, а кое-что, может и сам у тебя спрошу, так, чтобы нашего разговора на всю дорогу хватило. Так будет правильно.

– Ладно, идём, раз уж мы по случаю здесь оказались. Теперь уж не знаю – по случаю ли..., – Вася глянул на Пантелея с прищуром. Пантелей оставался непроницаем. Он молча вынул из-за пазухи ламинированный свёрток и протянул Василию:

– Пусть теперь будет у тебя. Я дорогу наизусть знаю. А ты ознакомься. В пути, знаешь, всякое может быть – я-то уже староват для всех этих дел...

На карте справа, на самом краю был аккуратно нарисован Холм, левее холма – лес, а ниже – северная окраина болот. Путь к Холму, если верить карте, проходил по некой, Кривой дорожке, через Незванный лес. В плотно заштрихованном верхнем правом углу карты умелой рукой зачем-то была изображена полная луна. Нарисованная очень аккуратно и подробно, с трещинами и кратерами, она казалась Василию этакой от всего уставшей, бледной, рябой, пучеглазой дурой.

Тем временем Пантелей продолжал вещать:

– Один бы я туда снова не пошёл. Не из-за Кривой дороги – не так уж я и стар, не смертельно. Просто был я уже там... и смысла нет, если одному. А так – хорошо идём. Я уже знаю, зачем идём, а ты идёшь, чтобы понять это.

– Ох и сказочник ты! А я тебе скажу – сюда бы мой старый уазик, его стихия!

– Да что толку? Через полчаса езды всё равно бросить пришлось бы. Дальше будет Незванный лес. В нём единственная напрочь заросшая тропа. Едва разобрать можно, только днём. Местами бочком продираться будем, а то и на карачках, – с этими словами Пантелей вдруг остановился, как вкопанный. Было неясно, к чему он присматривается. Спустя полминуты он махнул перед собой рукой: – Да нет, показалось..., – и сделал шаг. После третьего его шага, Василий пошёл следом, глядя себе под ноги и бормоча:

– Да что ж здесь за места такие!? Куда не ткнёшься – отовсюду тебе в обратную...

– Ты на хрена, вообще сюда полез-то, в Зону?

– Да, как и большинство – бегство своего рода.

– А если б знал, куда идёшь?

– Если б люди наперёд что-то знали, вообще по-другому бы жили!

– А вот, скажи: что тебе на Большой земле более всего жить мешало?

– Всякие случаи бывали... Коварно как-то всё в жизни устроено... Есть, например, красота. Она тянет на себя внимание, прельщает, провоцирует,

лбами сталкивает, унижает нас уродов своим совершенством, а при ближайшем знакомстве ещё и разочаровывает!

– Ага, стало быть и тут без бабы не обошлось..., – бормотал Пантелей себе под нос, – ...никогда не обходится..., – а затем продолжил в голос и назидательно: – Эка беда на тебя, Вася, свалилась! Красотой тебя оскорбили! Одурачили! Тут дело не в красоте, а в том, что ты пессимист, ленивый, но с амбициями. Ты бескорыстно красоту люби! Красота нужна, чтобы была любовь. А от любви будет ещё красота. Другая. Больше и сложнее – слова, действия, отношения...

– Во, во! Пессимист я, да ещё с амбициями. На хрена я этому миру распрекрасному такой нужен? А мир меня, взял, да породил! И чё теперь?

– Теперь жить.

– Как жить? В какую сторону?

– Этот выбор каждый день сам делать будешь. Каждая частность стремится найти в мире место своего наилучшего приложения. А мир ищет во всех своих частностях лучшее, как точки опоры для своего развития.

– Всё-то у тебя благоразумно, аккуратно, а что-то мне от этих твоих стройных конструкций не легче. Устал я экспериментировать с этой жизнью методом «научного тыка». Слишком уж много «дано» в условиях этой задачи.

– А ты хотел попроще? Так надо было самому быть попроще! А ты просто принять всё как есть не желаешь, вопросы сложные ставишь ребром, а потрудиться и своей головой подумать не хочешь.

– Ну, допустим, уже хочу... Так ведь непонятного – прорва аморфная. Как за это всё взяться?

– Поначалу берись за самое насущное, а там... придётся, и в прошлое обратиться, и определить, какое будущее нам интересно. Тогда сможем лучше понять, где мы сейчас и что нам делать.

– Про прошлое, разговор долгий... Ишь, как ты ловко всё выворачиваешь...

– ...так не наизнанку ж, на верную сторону!

– Наверное, на верную..., тут спорить не возьмусь – дюже складно у тебя это всё получается...

– Так что же, только «красота» или есть ещё что? Чем ещё тебе наш мир не угодил?

– Да по большому счёту... одного мне всегда не хватало в жизни – понимания «где я», ну, в широком смысле «где»... и «зачем».

– Ага – «в широком». А «зачем», соответственно – «в глубоком»? – Усмехнулся Пантелей.

– Именно так. Уж по мелочи-то я и сам «нащёлкаю», а вот глобальное... Может я от этой неопределённости ничего в жизни своей всерьёз не могу принять. Всё мне представляется мелковатым, да нелепым. Будто вся наша большая сложная жизнь – шутка, то ли запредельно глупая, то ли изошрённо злая.

– Бывает, что человеку неуютно жить, не зная, на чём потолок в его хате держится. Бывает, иному надо и об устройстве вселенной доподлинно знать. Иначе трудно человеку место своё в этой необъятности найти. Сам такой же. Я твоей беде помогу, только терпением на пару часов запасись. Вот что я за все эти годы насобирал по малым крупичкам, да по кривым тропкам...

Пантелей замедлил ход, сделал глоток воды, глубоко вздохнул и начал:

– Жизнь у нас, видишь ли, одна на всех. Не ты свою жизнь живёшь, а все мы вместе, включая тебя, живём нашу большую общую жизнь. Ты, к примеру, являешься частью Петинной жизни, потому что он тебя знал, разговаривал с тобой. Соответственно, Петя это часть твоей жизни. Потому ты и Петину смерть как личный ущерб ощущаешь. Так что к жизни следует относиться уважительно и ответственно.

Жизнь стремиться принять всё более совершенные формы, чтобы сохраниться и приумножиться. Так растёт её качество и количество. Если бы существовали этакие пресловутые «миры загробные, да параллельные», то сколько их было бы? Где тогда предел? Только от фантазии зависит: один, два, миллиард, бесконечное множество... Выходит, что если бы они существовали, то было бы их никак не меньше, чем бесконечное множество. И тогда было бы бесконечно много миров, отличающихся друг от друга столь незначительно, как например: количеством песчинок в том карьере. Мир, где

на одну меньше, мир, где на одну больше... Тогда было бы совершенно неважно, что мы будем делать со своей жизнью, ведь якобы есть миры, где мы уже всё сделали, и не сделали, так, и наоборот... В общем получается множество излишнего, однообразного, нисколько не ценного хлама, а не жизнь. Нет, небытие не позволит такой расточительности бытию! Пустота небытия злостно сопротивляется всякой жизни. Потому нет никакого другого мира. Есть только один, зато большой. Единственно существующий мир с трудом преодолевает сопротивление небытия, постоянно принимая всё более совершенные формы. И мы ответственны за каждый свой шаг, за каждое своё дело и слово, за своё и общее счастье в этой единой, большой, общей для всех жизни. Потому не следует тебе Вася что-либо в своей жизни считать «мелковатым», да «глуповатым».

– Ну, ты загнул. Мне такое не выпрямить!

– Ты уж как знаешь, так и будешь, а понимать про это для каждого весьма желательно.

– Что-то я по скудоумию своему за такие понятия скользкие, да обтекаемые пока толком ухватиться не могу, но ты давай, давай, ещё подбрось...

Пантелей чуть повысил голос и продолжил, ещё более укоризненно и назидательно:

– Внешнее небытие постоянно сопротивляется внутреннему давлению времени, и оттого линейное усилие времени складывается в плоскость пространства, которое в свою очередь сворачивается и организуются в сферу бытия. Чтобы благоденствие и счастье этого мира всегда было на должном уровне, интенсивность роста и развития вселенной должна постоянно и бесконечно увеличиваться. Поэтому и мы все должны постоянно прилагать усилия и совершенствоваться.

Мы живём в настоящем, в мгновении, на самой границе между прошлым и будущим. Через точку настоящего в будущем реализуется потенциал прошлого. Сфера прошлого и сфера будущего соединяется в целостную вселенную через точку настоящего. Только нюанс один – сфера прошлого не рядом, а внутри сферы будущего, а точка настоящего с невероятной скоростью перемещается по границе между этими двумя сферами, обеспечивая их соприкосновение. В некотором смысле, движение настоящего

момента ежесекундно «вырисовывает» постоянно меняющиеся границы этих сфер. Схематично всё это можно представить как замкнутую линию, сложившуюся меньшей петлёй в большей петле.

Только в точке настоящего мы можем чувствовать разницу между прошлым и будущим, разницу между тьмой и светом, разницу между добром и злом, разницу между худшим и лучшим... и всякую прочую разницу. Только неуловимо быстрое движение точки настоящего момента ежесекундно обрисовывает нам все актуальные границы и очертания сущего. Только здесь, в настоящем мы видим, как опереться на прошлое, чтобы достичь искомого будущего.

В некотором смысле всё живое находится в этой самой точке настоящего, чувствует все эти «разницы между» и постоянно реагирует на их потенциалы в своём вечном стремлении к счастью и развитию. – Сделав небольшую паузу для возможных уточняющих вопросов и не услышав от подохреневшего Васи ни звука, «лектор» степенно продолжил: – В основе бытия две вещи: первая, это неколебимый вектор стремления к лучшему, к прогрессу, к счастью и развитию; вторая это краеугольная непостижимая тайна, во чреве коей и живёт всё сущее. Выйти за пределы этой тайны, значит выйти за пределы жизни. А не выйдя за её пределы, не взглянув извне и со стороны, тайны этой не понять. Возможно тайна эта откроется, когда мир на пике своего развития полностью реализует потенциал прошлого в построении будущего и созреет для формирования нового начала, новых базовых законов мироздания, для зарождения новой, более сложной и совершенной вселенной. Это будет что-то вроде весьма относительного и вовсе не окончательного конца света с немедленным возникновением новой, ещё более совершенной и многосложной жизни.

Быть может для конкретного отдельно взятого человека тайна мироздания открывается полностью только по завершении жизни. Быть может, каждая живая частность получает возможность жить и участвовать в созидании и развитии вселенной, как раз при условии утраты полного, точного, неколебимого, а значит «неживого» знания причин возникновения этой самой вселенной, при условии утраты знания её устройства и при условии утраты знания результата нашей деятельности в этой вселенной. Словом каждый при рождении меняет ответ на вопрос, меняет конкретный неизменный артефакт истины, на новое неизведанное пространство зыбкого, изменчивого таинства жизни. Быть может истина вообще не может быть

исчерпывающе известна никому, даже самому Богу. Возможно, что неуловимая и изменчивая истина это вообще не ответ, а только вечный вопрос, являющий собой пространство для нашей жизни, пространство для бесконечного роста и развития мира. Тогда неразрешимая истина есть залог вечного продолжения жизни и развития вселенной.

– Где ж ты тут таких слов успел наковырять? – Вася обвёл широким жестом топкие хляби по сторонам от тропы. – Мож для меня-то, пару нормальных всё-таки найдёшь? – Взмолился Вася. – Хоть матом разбавь, и то полегче будет!

– Вот представь, – мерно кивая, продолжал Пантелей, – что едешь ты в своём старом уазике. Долго едешь. Всю жизнь. В нём ты и родился когда-то. И другие в нём родились. Кто-то что-то будет рассказывать о том, что это за тарантас такой и как устроен, но пока не приедешь и наружу не вылезешь, доподлинно не узнаешь, что это уазик, что он устроен так-то и так-то. Вот так и наш мир должен в развитии своём добраться до конечного пункта, чтобы цивилизация наша, выйдя за пределы нашего мира, узнала доподлинно, что он такое и куда двигаться дальше. Только, опять же, конец прошлого мира обязательно будет означать нарождение нового, большего и лучшего. А значит ни окончательных пределов жизни, ни абсолютного знания истины, даже тогда, никто не достигнет.

– Ну, если дела так обстоят, то и не знаю... Мутновато как-то. Ну и давно всё это безобразие творится?

– Не безобразие, а мировая гармония! А на счёт «давно ли» – сказать трудно...

– Ну, хоть чего-то ты не знаешь! – из последних сил порадовался перегруженный новыми данными Вася. Меж тем, Пантелей не сбавлял темпа:

– ...да, сказать об этом трудно. Где возникло бытие? И что было до его возникновения? Тут дело, видишь ли в том, что бытие и небытие появились одновременно, потому как идентифицируются они только относительно друг друга. Бытие, при этом постоянно растёт и вынужденно совершенствоваться, так как развитие сферы бытия происходит вопреки давлению окружающего эту сферу небытия. Важно уточнить, что сфера бытия внутри также содержит небытие...

– Ёп твою! – не сдержался Васёк. Но Пантелея было уже не остановить. Вася понимал «теперь пока полностью не опорожнится, не уймёшь». Пантелей монотонно выкладывал:

– ...поясняю: бытие можно условно представить в виде тончайшей прозрачной плёнки мыльного пузыря, через которую, глядя снаружи, можно различить прошлое, а глядя изнутри – будущее. Эта плёнка – настоящее. Снаружи этой плёнки ещё не наступившее небытие-будущее, а внутри неё уже произошедшее небытие-прошлое. Плёнка настоящего не является постоянной величиной и цельной тканью. У плёнки нулевая толщина. Она является не веществом, а лишь эффектом движением частицы «время». Как вращающийся винт даёт эффект смутно различимой округлой плоскости, так движение частицы «время» даёт эффект сферы бытия. Движение этой частицы так быстро, что мы воспринимаем неисчислимое множество линейно последовательных событий как сумму «одновременных». Сама эта частица «время» имеет нулевой размер, она не имеет ни массы, ни объёма, а имеет только своё местоположение на данный момент и бесконечно великую скорость. Всё что называют пространством и материей, это лишь очень сложная хитросплетённая траектория движения частицы «время». Разницы в скоростях прохождения частицей «время» тех или иных манёвров и зигзагов воспринимаются нами как отношения материй в пространстве вселенной.

Время, это, в некотором смысле абсолютная скорость. Сколь ничтожен размер частицы «время», а мы помним, что это ноль, столь огромна её бесконечная, неизмеримая скорость, постоянно растущая вместе с ростом вселенной.

Наконец в речи Пантелея возникла вынужденная пауза, он достал платок. Было ясно, что хрупкая тишина будет не долгой. Пантелей аккуратно высморкался, а Вася воспользовался очередным редким случаем, сказать хоть что-то:

– О! Излишки ума через нос пощёри! Хоть половину-то мозгов высморкай, глядишь, и слушать тебя полегче будет!

Пока Пантелей вновь собирался с мыслями, Вася понуро качал головой, меланхолично улыбался и бормотал:

– И конца не видать, и начало в прорве вечности канет...

Видимо что-то расслышав, Пантелей тут же оживился:

– Да, трудно определить – где здесь начало начал, где момент зарождения вселенной. Начало начал нельзя определить во времени, так как время появилось в начале начал, а не начало начал во времени. Вопрос возникновения вселенной остался за её пределами. Приходится жить внутри этой тайны. Для любого данного конкретного момента времени можно предполагать некие гипотетические границы вселенной. Но так как всё сущее движется, то в динамическом смысле вселенная бесконечна.

Вселенная бесконечна и в направлении будущего, и в направлении прошлого. Сфера прошлого постоянно растёт, осваивая всё новые пространства будущего. Сфера будущего постоянно растёт соответственно потенциалу прошлого, реагируя на его опыт всё новыми перспективами и горизонтами вероятного развития.

При этом все решения настоящего всегда несовершенны, так как основаны на неполных знаниях прошлого и вынуждены отчасти включать в себя тёмное пространство будущего, в качестве необходимого для развития элемента непознанного, неопределённого и ошибочного. Таким образом, не только предположения о будущем, но и опыт прошлого всегда будут содержать в себе бесконечный потенциал неизвестности, потенциал былых и грядущих ошибок и несовершенств. А значит, прошлое можно бесконечно переосмысливать, познавать всё глубже, всё шире, находя в нём бесконечный потенциал для развития будущего.

Всё больше понимая прошлое, мы всё дальше продвигаемся в будущее. Так как в обоих направлениях нет предела, вопрос о начале начал всегда будет лишь откладываться всё далее и уточняться всё более, но никогда не разрешиться вполне. Можно сказать, что момент возникновения бытия всегда остаётся в настоящем времени, в точке актуальности, в самой частице «время». Наша «неуловимая» реальность, как бы постоянно пульсирует, ежесекундно возникая в будущем и тут же исчезая, становясь прошлым. То есть, мы живём в самом моменте возникновения жизни, в самом начале начал. Практически это значит опять же «внутри тайны» и потому никак не оспаривает сказанного мною ранее.

Наступила тишина. Вася дышал глубоко, ровно и с удовольствием. Дорога теперь пошла на подъём и Пантелей тоже задышал глубже, нащупывая удобный для себя ритм движения и сетуя:

– Все *эти* разговоры, так сбивают дыхание...

Когда подъём кончился, Пантелей вдохнул побольше сырого воздуха и выдохнул словами:

– А ещё, во вселенной нашей, по обыкновению обратного пути у человека нет. Единожды покинув пространственно-временную точку своего отправления, никто не в состоянии к ней вернуться в полном и точном научном смысле. Потому я тебе всё так подробно и рассказываю, с лирическими и философскими отступлениями. Чтобы ты получше понял, куда идёшь, зачем, а может и уточнил немного, кто ты Вася сам по себе есть.

Темнело, но привала Пантелей не командовал. Вася «сканировал» спину Пантелея и сомневался. Никогда точно не скажешь, когда человек шутит, когда врёт и какова будет во всей этой болтовне доля правды. Этакая неизбежная доля правды, которую как шило в мешке не утаишь; этакая доля правды необходимая иной раз для обёртывания лжи. Говорит Пантелей подозрительно красиво. И непонятно, чего такого Пантелей в Васе особенного нашёл, кроме врождённой Васиной авансированной веры во всякого человека, покамест ни разу не успевшего Васю обмануть? С чего вдруг Пантелей его выбрал? Людей на болотах навалом, в ассортименте: непонятые поэты и одноразовые герои, чудачки и суперпрагматики, бесплодные циники и бестолковые романтики. Зная себя давно и хорошо, Вася никак не находил в себе ничего такого особенно интересного, ни для науки, ни вообще.

Вася вспоминал, как шёл в Зону, твёрдо решив, что никогда не вернётся. Он знал про байки о вернувшихся. Но и рассказов-то этих было не так много, а уж действительно вернувшихся... И даже эти немногие были уже якобы не те что раньше, а то может и вовсе не они это были... В общем, когда доподлинной правды на грош, то пока до людей она дойдёт, обростёт чёрте чем, так что уже и ковыряться в этом не захочется. Словом, на возвращение Василий тогда не рассчитывал.

Вася вспоминал жизнь на Большой земле и всех, кто когда-либо в жизни его обманывал. Всякий раз обманщики говорили разное, и все были по-своему неповторимы. Ком из дел минувших и нынешних сомнений вдруг застрял у Васи в горле, не давая сказать что-либо, мешая дышать и вот уже даже двигаться...

– Чего встал-то? – голос Пантелея звучал совсем запросто и не выдавал, ни удивления, ни возмущения.

Василий молчал. Пантелей невесело усмехнулся:

– Не вовремя ты засомневался.

Постояв немного, Пантелей не спеша двинулся дальше, давая Васе возможность себя догнать. У края очередной, особенно большой лужи Пантелей вдруг вновь остановился и обернулся:

– Столько пройдено..., скажи хоть, почему до конца не дошёл?

В башке Василия вихрем крутились взаимоисключающие порывы. Их с Пантелеем цель казалась теперь нелепой вычурной сказкой, ловушкой для заблудших, наживкой для наивных. Лихие, нахальные страхи крепко оседлали волю. Всё, что Василий смог сейчас из себя выдавить:

– А потому что помню я ещё, как тогда..., – Вася сбился, замялся, в голове его замелькали образы Большой земли и совсем далёкого прошлого...

– Это хорошо, что ты помнишь, – продолжил за него Пантелей, – только не забывай, что живём мы в настоящем, а потому к настоящему всегда следует относиться много внимательней, чем к давно минувшему прошлому и никому неизвестному будущему. В этом залог успеха любого предприятия, да и всей жизни... Посмотри-ка на карту ещё раз..., а теперь вперёд глянь...

Намертво сжав карту в руке, Василий пошёл. Вначале он двигался неуверенно и неуклюже, как вновь обращённый зомби. Однако спустя всего несколько шагов Вася уже двигался осознанно и твёрдо. Пантелей облегчённо выдохнул:

– Дошло..., значит дойдём.

Вася шёл как советовал Пантелей – поглядывал под ноги, ступал мягко, регулярно сверялся с картой, чтобы лучше запомнить дорогу. Но смутное беспокойство никак не отпускало Василия. Пантелей, кажется рассказал ему решительно обо всём разом, и всё же Васе, будто бы хотелось спросить что-то ещё... Наконец Вася понял:

– Слушай, ты мне всё об устройстве вселенной рассказал, а о себе ни слова. Может от этого твоя правда в башке у меня никак не укладывается?

– Вот я о тебе лично тоже ни хрена не знаю, и ничего. Ну раз так тебе интересно, скажу. Скажу попросту.

По молодости был я опером. Как время пришло, следаком стал. А дела... разные были. И вот, как мне ума моего стало не хватать, чтобы... верно всё понимать, так я и сан принял. Десять лет чужие грехи отпускал, да свои замаливал. Да и в этом я как-то не весь разместился. Понял я, что мне свои грехи сподручней делом искупить, а не молитвой. Вот и подался в Зону, ради спасения души. Еле спасся однажды..., потом бывало ещё, дураков всяких вытаскивал... Когда совсем освоился, начал тут, как полагается, истину искать, а нашёл это вот, – Пантелей указал на карту в Васиной руке. – Побродил я тогда тут вокруг да около, покумекал немного, сообразил что к чему и ничего лучшего не придумал, кроме того что нынче делаю.

– Интересно. А ещё интересно – были до тебя сметливые такие, досужие, или мы тут «первопроходцы» будем?

– Ты в этой дороге не сомневайся, и были, и будут... и мы будем. Только там из всего этого «выход». Другого ничего там нет, а «выход» есть.

– «Выход»? Как это понимать? Или в это что ж, верить надо? Прям религия... Мутная какая-то твоя теория, а научный подход требует ясного, наглядного эксперимента.

– Для такого эксперимента не всякий «человеческий материал» годится. Скоро будет тебе «эксперимент». Не на мышках белых, на мне. А пока я тебе косвенных данных сообщу, весьма убедительных. – Пантелей перевёл дух:

– Как-то давно ещё появился в Зоне такой..., вроде «как все», а что-то в нём было... Имя его теперь никто не помнит. Все называли его «проводником», потому как он, якобы «знал». А вот что он такое знал, толковали по-разному. Прямо-то он ничего не говорил, всё искал достойных. Многих это раздражало. Многие смеялись, смеялись не очень-то искренне, смеялись нервно. А многие ему верили, верили прямо и попросту, хоть и обещал он подозрительно много – этакое «решение всех проблем», выход какой-то из всего этого. – Пантелей сделал широкий жест рукой.

Вася недовольно поморщился:

– Оно красиво конечно, но до жути мутно и опять же, ненаучно. Ты, пожалуйста, уточни: он «знал», или «говорил, что знает»?

– И «говорил», и «знал». Да тут тебе научный подход не в помощь. Ты дослушай – меньше вопросов будет. Иногда, знаешь, и умный человек при полном научном подходе доподлинно знать ничего не может и вынужден решать, во что ему будет разумнее поверить...

Так вот, брал с собой «проводник» только одного и всегда «в один конец». Поверивших ему, никто потом не видел. Барыги отчего-то невзлюбили «проводника». Утверждали, что якобы он элементарный душегуб и грабитель, наживающийся на доверчивости новичков. Потом «проводник» пропал. Но спустя время появился другой. И тоже, будто бы куда-то выводил людей, всяких «случайных попутных», этаких «уставших, да заблудших». Мол: «мечты человеческие там исполняются». Потом и этот куда-то пропал. Судачили, что ушли куда-то эти «проводники», потому как «достойных» в Зоне не осталось. А я думаю, барыги этих «проводников» перевели. У барыг же здесь бизнес, а эти всех местных каким-то мистическим «выходом» смущают, от реальных дел отвлекают. Оно и правда, многие тогда все дела позабросили и принялись сами, без всяких «проводников» место это искать. Одни считали, что это портал какой-то, то ли в лучший мир, то ли что..., другие верили, что желания там исполняются, но, дескать, «только самые искренние и сокровенные». – Пантелей вздохнул и усмехнулся. – Я, когда это место нашёл, всё сразу понял. Только не знал поначалу, что делать. Но теперь знаю. И ты теперь должен решить, что тебе со всем этим делать. Видишь ли, в Зоне много таких, кто не должен здесь быть. И некому теперь их будет вывести..., кроме тебя. Я стар, и если сейчас не уйду, то помру здесь, в Зоне, и тогда другим помощи уже не будет. Вот я и решил «пора дела свои передать».

Вася встал как вкопанный:

– Откуда у тебя такая уверенность, что я для всего этого гожусь!? А если я... сволочь, например!?

– Нет у меня никакой уверенности...

Пантелей выглядел странно. Так бывало всегда, когда в Пантелее подымались разом гнев, страх и тоска. Тогда Пантелей стыдился своего гнева, посмеивался над своим страхом и снисходительно улыбался своей тоске.

Движения Пантелея замедлились, растерянный взгляд остановился на какой-то отдалённой точке в пространстве, и невесёлая улыбка «занавесила» морщинистое лицо. Василий потоптался немного на тесном пяточке. Место было узкое. Впереди виднелся обрыв, а там, впотьмах, за мерно тлеющей вонючей прорвой уже можно было различить характерный силуэт холма. Идти назад было поздно, вперёд идти было, и страшновато, и рановато – хотя бы прилива дожждаться, да и не договорили ещё...

Пантелей недвижно и молча стоял на краю обрыва, видимо ждал ещё вопросов. Вася достал спирт, сделал маленький глоток и протянул флягу Пантелею:

– Ну что там я ещё должен уяснить, перед тем как... Давай, ещё говори, я привык уже, что ты как радио! – пока Пантелей принюхивался, делал глоток и ждал, чтобы не обожгло, Вася вовсю «стенал и сетовал»: – Ясности жуть как хочется. Да что-то от твоих рассказней у меня только новые вопросы. Ты как-нибудь всё разом скажи! И чтобы обо всём, но коротко. А то пока я соображу что спросить, ты тут до смерти состаришься.

Пантелей сжал губы, придав своей улыбке некоторого скепсиса, дождался, пока спирт уляжется и начнёт действовать. Тогда он вновь заговорил, медленно и с расстановкой:

– Сейчас не спеши. До ближайшего отлива нам всё равно не успеть. Я бы сейчас на твоём месте спросил, наверное: «что Зона вообще такое», «как появилась», «зачем». А вот, что мне на это ответить... Точно и подробно никто об этом не скажет, но в общем и целом – есть у меня своё понимание. У появления Зоны множество причин и назначений у неё тоже несколько. Зона – это, и чья-то ошибка, и необходимость, и стечение обстоятельств, и стечение людей определённого склада. Нет смысла теперь разбирать ошибки далёкого прошлого и физический смысл тогда произошедшего. А вот на людях, что живут здесь и сейчас, остановимся поподробней. Случаются такие, понимаешь, люди..., которых этикие места тянут. Бывает, и внешнее давление на этих людей оказывается. В общем, кого пряником сюда, кого кнутом... Потом уже задумываться стали, и местные, и там, на Большой земле: «как человеку отсюда выбраться». Вдруг, ошибка какая, случайность, или человек совсем уже изменился. Может, другой уже это человек и жить по-другому хочет. Может, его ждут, может, уже и претензий к нему на Большой земле нет – амнистия там, или что...

– На что-то это всё похоже, в голове вертится...

– Знаю, что там у тебя вертится! Что-то вроде «Зона – это чистилище...»

– Ты уже, и за себя, и за меня говоришь! Скоро сам с собой будешь..., а мне только кивать останется! Ты давай-ка к делу уже. Если там что-то есть, то что это такое? Если «выход», то куда!?

– А тебе куда надо, привереда!? – Усмехнулся Пантелей. – Большинству-то местному, тем, кто понял, куда попал – им-то уже лишь бы отсюда!

– погоди! Дай догадаюсь! – Опять балагурил Вася. – «Выход из чистилища»..., стало быть «в рай», стало быть... «на тот свет»!?

– Ишь ты, торопыга! Уже успел, и о рае раз мечтаться, и смерти убояться! И не в рай, и не на тот свет – на Большую землю, не более того, но и не менее! Для тех, кто уже успел эти пределы пощупать, да о незыблемые местные обстоятельства обтесаться, для таких Большая земля это не мало, такие «выход» оценят. Нечего в Зоне хорошему человеку делать. Я считаю, многие здесь только затем оказались, чтобы понять это.

То ли до Василия окончательно дошло, то ли он, наконец поверил, но голос его вдруг изменился:

– Если это правда... Так это же ВЫХОД! Петруха... Если бы ребята знали... Почему же никто..., почему ты сразу не сказал? Мне! Остальным! Почему!?

– Теперь тебе знать можно, ты готов. Знать готов. А уйти тебе пока нельзя. Теперь ты «проводник». А вот мне, теперь можно будет уйти.

Вася всё ещё неотрывно смотрел на Пантелея. Упорное Васино молчание требовало от Пантелея дополнительных объяснений. Пантелей грустно улыбался:

– Да не готовы они, сам же знаешь! Что у них в голове? Что на сердце?! Жадность, да обида! У каждого своя причина есть, чтобы быть здесь. Нельзя им со всем этим назад, к людям! Потому они сюда..., для того и Зона...

– Не верится..., – Вася вдруг посерьёзней. А Пантелей добавил «смолистых дров для треску»:

– Выдавливает сюда Большая земля всех тех, кто по краю ходит. Только здесь мы видим, что Зона не сказка, не мечта, а этакая карикатура на Большую землю – злая, грубоватая шутка, в коей та правда о нас, что мы никогда знать не хотели. Здесь нам приходится её узнать. А кто вовремя не смекнёт, тот и жить не будет. Вот ведь оно как. Так, по всему Зона – место плохое. Однако нет лучше места, чтобы понять – каков ты сам.

Пантелей огляделся. Из-за ночной мглы и клубов пара мало что было видно. Вязкая тишина ожидала продолжения разговора. Тихо поднималась над лесом осторожная, внимательная луна. Пантелей мельком глянул на Василия:

– Поистрепался ты в этой дороге. Уйду, снарягу свою тебе оставлю. – Пантелей вдохнул, выдохнул, постоял ещё немного. – Ладно, пора, – небрежно бросил тишине Пантелей и подтянул ремни. – А унитаз на холм взгромоздили то ли ради шутки, то ли для отвода глаз. Любой забредший сюда случайно до холма-то на плоскодонке доплывёт, а вот отлива дожидаться не стане и по темноте вниз к подножию холма не полезет, а значит, только унитаз на вершине и запомнит! И всем потом будет рассказывать... вон, как Прохор.

– А что там, у подножия?

– Старый коллектор. Километра два по нему хлюпать, потом по дну оврага до пересохшего русла...

Пантелей с треском потянулся, поправил рюкзак и шагнул в темноту. Прежде чем шагнуть следом, Василий оглянулся назад – там было также темно, как и впереди.

Поздним утром в Баре было пусто. Сидели только двое, уставшие и понурые после ночного.

– А я слышал, Пантелей-то – того... сгинул.

– Туда и дорога, – не сдержался Бармен, но тут же смутился и повернулся к посетителям спиной, якобы наводя порядок за стойкой.

– А я другое слышал, – подал голос второй. – Говорят, видели его – живёхонек, вроде как. И мало того, болтают, что якобы помолодел наш старец-то! ...самому не верится, но видели его такие люди, что уж и не знаю...

Бармен снова повернулся к посетителям:

– И что ж за люди растакие?

– И Муромец видел, и... да и сам я, можно сказать, видел... издалека правда и со спины, но, и походка, и одёжа... Ходит он всё своими старыми тропками по Незваному лесу, верно присматривается, готовых ищет...